Другая Война

Сергей Подгорных

Drugaya Voyna
(Russian Edition)

Sergey Podgornykh

Сергей Подгорных

Другая война

«Издательские решения»

Подгорных С.

Другая война / С. Подгорных — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960836-9

Иван Добров по прозвищу Добрыня, отвоевав в Чечне, и не предполагал, что, вернувшись домой, попадёт на ту же порядком опостылевшую войну. Только здесь она принимает причудливые, порой уродливые формы; когда не поймёшь, где свой, где чужой. Ад, казалось бы, оставленный на войне, возвратился. Его враги могущественны и многочисленны, но Иван точно знает — расплата неизбежна. Он не мстит, он наказывает. Добрыня должен помочь другу, когда-то спасшему ему жизнь.

ISBN 978-5-44-960836-9

© Подгорных С.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ 6
ЧАСТЬ 1 19
1 ГЛАВА 19
2 ГЛАВА 24
3 глава 32
4 ГЛАВА 37
5 ГЛАВА 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Другая война

Сергей Подгорных

© Сергей Подгорных, 2019

ISBN 978-5-4496-0836-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

***

Все события вымышлены.
Все совпадения случайны.
В жизни всё намного страшней.

Иван Добров по прозвищу Добрыня, отвоевав в Чечне, и не предполагал, что, вернувшись домой, попадёт на ту же порядком опостылевшую войну. Только здесь она принимает причудливые, порой уродливые формы; когда не поймёшь где свой, где чужой. Ад, казалось бы, оставленный на войне возвратился. Его враги могущественны и многочисленны, но Иван точно знает – расплата неизбежна. Он не мстит, он – наказывает. Добрыня должен помочь другу, когда-то спасшему ему жизнь.

ПРОЛОГ

Солнце выглянуло из-за гор, вытянув длинные и острые как кинжалы тени. Календарное лето закончилось, и осень начинала понемногу вступать в свои права. По утрам было уже прохладно, хотя днём камни по-прежнему накалялись и воздух основательно прогревался.

Над ущельем пронёсся вертолётный гул. Ми-8 на небольшой высоте стремительно, словно коршун в поисках добычи, скользил вдоль каменных стен. Внезапно вертолёт начал снижаться, быстро приближаясь к земле. Горы встали исполинами слева и справа от него. Считанные секунды, и верхушки деревьев заколыхались на расстоянии вытянутой руки от бортов боевой машины. Вой вертолётных турбин прокатился над лесным морем и, постепенно затихая, сполз вниз по ущелью.

МИ-8 сделал круг над заданным квадратом и, на миг зависнув, плавно опустился в прогалину леса. Ветер, поднятый от бешеного вращения лопастей, неистово закачал близстоящие деревца, срывая с них рано пожелтевшие листья, и из брюха боевой машины высыпал десант.

Первым выпрыгнул из бортового люка на придавленную ветром траву старшина Окулов. Вскинув автомат, он окинул взглядом окрестности. Сделав знак рукой – всё в порядке, – он быстро ушёл в сторону, прикрывая от возможного нападения остальную группу. Десантирование прошло чётко, как на учениях; без сбоев и ненужной суеты. Пятнадцать десантников, по очереди выпрыгнули из люков, и рассыпались по поляне. Пригибаясь от ветра, они, готовые в любой момент начать бой побежали под защиту зелёнки. Последним покинул вертолёт командир разведгруппы – старший лейтенант Попцов. Офицер подал условный знак пилотам, и вертушка стала плавно подниматься. Повиснув над лесом, едва не задевая верхушки деревьев, боевая машина завалилась на бок и затихающим гулом ушла из ущелья.

Спустя полчаса отряд, соблюдая все меры предосторожности, спускался по склону по едва виднеющейся между деревьев узкой тропинке. Разведгруппа растянулась причудливой змеёй. Старлей – командир группы, – замыкал колонну, на ходу сверяясь с полевой картой. Старшина Окулов с радистом Сёмкой Елькиным шли в центре цепочки. Впереди, в голове отряда двигались двое – Иван Добров и его закадычный друг Лёха Лекомцев.

Иван и Лёха давнишние друзья, понимающие друг другу с полуслова. Ивана за его фамилию сослуживцы прозвали Добрыня. А может и не в ней всё дело, или не только в ней. Всем своим видом, высоким ростом, развитой мускулатурой Иван походил на своего названного тёзку – былинного богатыря. Да и характер у Доброва был под стать его фамилии – без необходимости парень мухи не обидит. Но только без необходимости. Когда же того диктует боевая обстановка Добрыня превращается из добродушного парня в беспощадного воина.

Лёха Лекомцев – его лучший друг и полная противоположность Доброву. И если Иван это Добрыня Никитич, то тогда его друг – это Лёша Попович. Весёлый, способный развеселить любую кампанию, любимец девушек, спортсмен-каратист – вот краткая характеристика Лекомцева. Конечно, это описание относится лишь к мирным будням. На войне Лёха, как и все его сослуживцы-десантники – в первую очередь, солдат.

Друзья первыми заметили внезапно выросшее открытое пространство, разрезанное извилистой, быстрой, как лань, горной речушкой. Более полусотни метров камней под открытым небом хорошо просматривались как с этого, так и с противоположного берега. Оба десантника стреляные воробьи, в Чечне по контракту, их не надо было учить, как действовать в неожиданных ситуациях. Иван, как штатный снайпер отряда, умело укрылся в прибрежной листве. Закинув за спину автомат, он поднял снайперскую винтовку СВД и через оптический прицел стал внимательно разглядывать противоположный берег. Лёха разведчик у разведчиков, и его задача первым проверять опасные участки. Чем он и собрался заняться.

– Прикрой, Добрыня, – бросил он другу и зигзагами, слегка пригнувшись, побежал к большому валуну, воткнутому рукой неведомого великана у самой границы воды.

Меры предосторожности не лишние, учитывая то, что в полк незадолго перед заданием поступили сведения от армейской разведки о замеченных в районе десантирования передвижениях бандформирований боевиков. Волков свободной Ичкерии.

– Действительно волки – подумал Иван, не переставая наблюдать через оптику за противоположным берегом, – сколько духа ни корми…

На той стороне подозрительно тихо; лист зря не шелохнётся. Иван перевёл точку наблюдения на друга Лёху. Тот в этот момент выглянул из-за валуна. К Лекомцеву зигзагами подбежали ещё трое десантников. Ивану хорошо их видно – это рядовые Карпов, Шанцев и сержант Пересторов. Лёха, дождавшись подмоги, начал форсировать водную преграду, а валун, ощетинившись автоматами подбежавших десантников, стал ловить малейший намёк на опасность со стороны неизвестного, а потому в потенциале враждебного берега.

Впрочем, всё проходило относительно благополучно. АКМС и увеличенный боекомплект никак не предполагали лёгкости передвижения, но Лёха, ловко прыгая по торчащим из воды, словно зубы, камням, лишь раз поскользнувшись, практически не измочившись в ледяной воде, без заминок достиг противоположного берега. Подбежав к границе зелёнки, он осмотрелся. Потом сделал знак – за мной.

Карпов, дождавшись, когда Лёха исчезнет среди деревьев, также форсировал водную преграду. Передвигаясь по мокрым скользким камням, десантник в несколько прыжков оказался на другом берегу, сразу исчезнув в зарослях. Через минуту на противоположный берег перебрались также Шанцев и высокий, под два метра, увалень Пересторов.

Иван облегчённо перевёл дух; водная преграда благополучно преодолена. Он опустил винтовку, поправляя слегка сбившийся прицел. К тому времени, мимо Ивана прошла большая часть разведгруппы. Иван всех их прекрасно знал. Вот тяжело придавливая мелкие камни, прошёл медвежьей походкой старшина Окулов. Доброву известно, что за спиной этого плотного, крепкого человека Афган и первая Чеченская. А вот пробежал, лёгкой, беззаботной поступью радист отряда – Сёма Елькин – головастый парень, в электронике соображает лучше изобретателя радио. Вот тенью крадущегося леопарда промелькнул Игорёк Кротов – лучший рукопашник полка. На последних окружных соревнованиях по рукопашному бою он занял первое место. И, наконец, к Доброву подошёл старший лейтенант Попцов – командир взвода. Иван прекрасно знал, что их старлей – командир от бога, который своих солдат никогда в обиду не даст.

Проходя мимо снайпера, старлей ненадолго остановился.

– Добров, понаблюдай немного за переправой, мало ли чего.

– Понял, товарищ старший лейтенант.

– У тебя кажется высшее образование?

– Есть немного. Политех закончил.

– В картах что-нибудь понимаешь?

– Раньше спортивным ориентированием занимался. Так что скорее да, чем нет.

Старлей протянул Доброву планшет с картой.

– Глянь сюда. Никак не разберусь с этой условной системой. У нас координаты восемьдесят два – двадцать восемь или наоборот двадцать восемь – восемьдесят два?

– Восемьдесят два – двадцать восемь.

– Фенкью вери мач, Добров. Смотри внимательней за переправой. «Чехов» не проворонь.

Иван кивнул в ответ, и командир вышел из-за деревьев.

В группе нет новичков, все бойцы опытные, прошедшие огонь и воду. Иван абсолютно уверен в каждом из сослуживцев и готов за любого из них отдать жизнь. Впрочем, сейчас его

задача как раз и состоит в том, чтобы прикрывать передвижение отряда. Иван вновь поднял СВД, продолжая через оптику наблюдение за противоположным берегом.

Доброва определи в снайперы не только из-за того, что он ещё с детства, со школьных тиров прекрасно стрелял. Иван обладал некой таинственной почти мистической интуицией, которая часто позволяла ему предвидеть опасность и не раз спасала разведгруппу от неминуемой гибели. Было ли тому виной давнее увлечение восточной философией и оккультными науками, или же Иван был наделён природой с рождения необычным даром, но он всегда, во всех без исключения экстремальных случаях мог определить за несколько секунд до появления смертельной опасности её приближение. Это предчувствие проявлялось у Доброва лёгким покалывание на спине, мгновенно передавая сигнал чуткому разуму.

Вот и сейчас Иван почувствовал неприятное покалывание между лопаток. Он быстро, понимая, что времени на размышления нет, оглядел зелёнку противоположно берега, ловя в перекрестии прицела врага.

К тому времени весь отряд вышел на открытое пространство. Треть группы уже миновала горную речку, когда Иван, наконец, заметил подозрительное шевеление. Переведя прицел, Добров увидел выше по течению метрах в двадцати от переправы вооружённого человека. Укрывшийся в кустах боевик целился из автомата в сторону ничего не подозревающих десантников. Времени на предупреждение товарищей не оставалось, и Иван, поймав в перекрестие бородатую голову, нажал на спусковой крючок.

Грохот выстрела, и стреляная гильза со звоном отлетела в заросли. Бородатого от сильного удара отбросило назад.

«Чехи!» – услышав выстрел, закричал кто-то из десантников. Иван, прицелившись, вновь выстрелил. Он целился в спешке, поэтому не попал. Чертыхнувшись про себя, Добров вновь поймал цель и вновь выстрелил. На этот раз более удачно – второй бородач безжизненной тушей вывалился из кустов на прибрежные камни.

Бой вспыхнул быстрее, чем можно было ожидать. Внезапно справа от Ивана, с его берега, на пару десятков метров выше по течению, хлопнул выстрел гранатомёта. Граната, дымясь, ушла в сторону перебравшихся на другой берег бойцов. Раздался взрыв, повсюду полетели разлетающиеся камни, и двое десантников навсегда остались лежать на мокрых камнях.

Разведгруппа оказалась застигнута врасплох, но, несмотря на это, десантура мгновенно рассредоточилась и открыла ответный огонь. Лес, только что безмолвный, нетронутый внезапно ощетинился десятками автоматных стволов. Война вынырнула из него, как джинн из кувшина. Не переставая, загрохотали «калашниковы», загремели взрывы выпущенных из подствольников гранат, послышались крики раненых.

В первые секунды боя была уничтожена большая часть разведвзвода. Командир погиб одним из первых. Подстреленный снайпером Попцов упал окровавленным лицом в холодную воду горной речушки, название которой так и не нашёл на полевой карте.

Старшина Окулов, перед тем как погибнуть, успел выпустить несколько очередей в кусты, из которых выстрелил гранатомётчик противника. Из зарослей послышались крики боли. В следующую секунду шлепки автоматных пуль сотрясли плотное тело старшины. Пройдя штурм Кабула, взятие Грозного – Окулов нашёл смерть в холодных водах безымянной горной речушки.

Радист Елькин успел добежать до спасительной зелёнки, но у самой границы тени и света две пули металлическими хлопками ударили по радиостанции, болтающейся у него за спиной. Сёма инстинктивно развернулся, желая проверить, что с его родимой «Р-129», и тут же третья пуля впилась в его горло. Десантник схватился за перебитую артерию и упал, так и не добежав до спасительных деревьев.

По десантникам ударили с обоих берегов. Вжавшиеся в камни бойцы разведвзвода ответили отчаянным огнём, поливая свинцом прибрежные заросли. Их пули стали крошить при-

брежные камни, поднимая водные фонтанчики и терзая тела убитых. Несмотря на отчаянное сопротивление отряда, было ясно: взвод обречён. Это понимали засевшие в кустах боевики. Это понимали и десантники, старавшиеся подороже продать свои жизни.

Когда огонь немного утих, – десант стал экономить боеприпасы, – боевики один за другим начали выбегать из леса. Наступила пора полного контакта, рукопашной. Чемпион округа Сашка Кротов первым кинулся на врага. Точными, короткими очередями он повалил двоих, выскочивших из зарослей духов и ударом ноги сбил наземь третьего. Быстрый взмах штык-ножа, и стальное лезвие впилось в тело боевика. Почувствовав спиной неладное, Кротов резко развернулся и увидел зрачок автомата целящего в него чеченца. Десантник ещё успел уйти в сторону, он даже успел выстрелить в ответ на очередь, но тут же упал на прибрежные камни. Солдат и боевик погибли одновременно.

В следующие секунды боя Иван подстрелил ещё троих врагов. Двоих в тех же кустах на другом берегу, немного выше переправы. Ещё одного боевика Иван снял прямо в той части леса, куда скрылся Лёха, и откуда доносились непрекращающиеся звуки стрельбы. Опустошив обойму снайперки, он, не перезаряжая, – времени в скоротечном бою в обрез, – закинул винтовку за спину и, передёрнув затвор автомата, начал двигаться вдоль берега вверх по течению. В ту сторону, откуда летели в спины его друзей автоматные очереди.

К этому моменту отстреливались лишь трое вжавшихся в прибрежные валуны бойцов разведгруппы. Все, кто не успел переправиться на другой берег, были либо ранены, либо погибли. Уцелела лишь эта троица, укрывшись за огромным валуном. Иван попытался спасти товарищей, зайдя в тыл боевиков. Он что есть сил побежал через кусты, обходя дугой заросли, из-за которых в спины десантникам били боевики. Иван не успел всего несколько секунд. Он понял что опоздал, когда услышал несколько слившихся в один непрерывный грохот разрывов гранат. Забросав десантников гранатами, боевики уничтожили последний очаг организованного сопротивления.

Спасать друзей уже не было смысла, но Иван по инерции открыл огонь, увидев притаившихся в зарослях врагов. Иван выскочил на поляну, в его руках задёргался почти не слышный в общем шуме боя автомат. Пули сильными толчками сбили на землю двоих замешкавшихся врагов. От неожиданности боевик с гранатомётом выпустил заряд в сторону реки и резко обернулся. Плохо нацеленная граната улетела, попав по своим, и, спустя секунду, взорвалась, подняв столб дыма среди деревьев. В следующую секунду лицо боевика превратилось в кровавую маску.

Лишь четвёртый из чеченцев успел выстрелить. Автоматная очередь выбила чечётку на стволе дерева, буквально в метре от Ивана. Добров, не раздумывая, ударил в ответ. Немного поторопившись, он ранил врага и лишь со второй очереди окончательно добил боевика.

Покончив с противником, Иван побежал к границе зарослей. На противоположном берегу он увидел не меньше трёх десятков боевиков, добивающих раненых, всё ещё пытающихся сопротивляться десантников. Выпустив длинную очередь, и полностью опустошив рожок автомата, Добров переключил внимание бандитов на себя. Боевики открыли ураганный ответный огонь. «Аллаху, Акбар!» – кричали волки свободной Ичкерии, кидаясь в сторону уцелевшего врага. Листва вокруг Ивана зашевелилась от десятков рвущих её плоть пуль.

Быстро сменив магазин, Иван передёрнул затвор, и сделал пробный выстрел в сторону бегущих врагов. Потом выхватив одну из двоих имеющихся у него «лимонок», он, размахнувшись, бросил гранату в подбегающих боевиков. Не дожидаясь разрыва, Добров рванул в глубину леса. Спустя несколько секунд его ухода с поляны послышался грохот взрыва. Иван, наращивая темп, петляя среди деревьев, побежал вниз по течению, туда, где не было войны.

Иван бежал по лесу. Звуки стрельбы за его спиной постепенно затихали. Добров решил уходить от погони вниз по течению. То, что погоня будет, Иван не сомневался; вопрос лишь

в том, есть ли у чеченов собаки. Пробежав достаточно вдоль берега, и уйдя подальше от переправы, Иван решил перебраться на противоположный берег. Бежать Доброву с каждой секундой было всё тяжелей. Ветки больно хлестали по лицу, цеплялись за камуфляж, за ставшую неимоверно тяжёлой, болтающуюся за спиной снайперку. Заметив среди листвы просвет, Добров постепенно сбавил темп бега. Совсем останавливаться времени не было, и Иван, быстро осмотревшись, выбежал на прибрежные камни. Не увидев ничего опасного, он сделал спринтерский рывок к бурлящему горному потоку. В этом месте река оказалась глубже, чем на роковой переправе и на середине речки Иван неожиданно провалился по пояс в холодный поток, больно ударившись коленом о невидимый под водой камень. Прошли томительные секунды борьбы со стремительным течением, и десантник, едва не смытый потоком, наконец, выбрался из ледяной воды. Собрав силы в кулак, Иван побежал к спасительной зелёнке.

Иван устал, запыхался, болело ушибленное колено, но времени на отдых у десантника не имелось. Сейчас на кону стояла его жизнь; Иван чувствовал, что за неё ещё придётся побороться. Несмотря на опасность, он решил возвращаться назад, к месту перестрелки. Выбрав оптимальный темп бега, Добров, огибая по дуге радиусом с километр, стал возвращаться к месту боя.

Казалось, это был бессмысленный необдуманный шаг. Любой на месте Добрыни решил бы – спасайся десантник, тебе крупно повезло, сегодня счастливый билет выпал по твою душу, ты остался жив. Любой на месте Ивана постарался бы уйти как можно дальше от разыгравшегося кошмара. Любой, но только не Добрыня.

Вместо этих мыслей, Добров лишь увеличил темп бега. К высоким нагрузкам Иван привык с детства, занимаясь спортом. В наследство от спортивного прошлого у Доброва остались звание КМС по боксу, хорошая реакция и стальные мускулы. А также хладнокровие и нечеловеческая выдержка. Потому, наверное, ротный назначил именно Ивана снайпером отряда. Стрелял Иван всегда хорошо. В тире на гражданке, во время срочной в спецназе ВДВ. Да и кто там плохо стреляет? Когда сутками не расстаёшься оружием, волей неволей научишься стрелять. На слух, навскидку.

Иван, на мгновение остановившись, внимательно прислушался. Звуков войны не было слышно. Поправив сбившийся во время бега подсумок с обоймами, десантник продолжил путь.

Бегать Иван всегда умел; многокилометровые, изматывающие дистанции давались ему легко. Главное войти в нужный ритм, задать необходимый темп, и тогда бег уже не кажется невыносимым наказанием, тогда он приносит радость. Хотя какая может быть радость бежать промокшему, увешенному оружием солдату по враждебному лесу да ещё в сторону противника? Иван знал какая. Если есть хотя бы один шанс из тысячи, что кто-то из его товарищей уцелел, он обязан их спасти. Старлей убит, старшина тоже погиб, но Лёха Лекомцев – закадычный друг – вполне мог уцелеть. Лёху так просто не возьмёшь – Иван об этом отлично знал. Его друг отчаянный сорвиголова не раз попадал в самые невероятные переплёты и всегда выходил из них целым и невредимым. И в этот раз тоже должен выжить. Иван видел, как Лёха перед самым боем вошёл в зелёнку; с ним были Карпов, Шанцев и здоровяк Пересторов. Это уже сила. Пусть небольшой, но настоящий отряд. Один сержант Пересторов семерых стоит. Иван сам видел, как тот ломал кирпичи, да не как все, поставив друг на друга ребром ладони. Нет, резким ударом о голову. Хрясть и пополам. Голова – не кирпич.

Но всё же если Лёха уцелел и всё ещё жив, это будёт чудом. Иван молил об этом чуде. Лёха оставался той единственной ниточкой, что соединяла Доброва с прежним миром. К своим почти тридцати прожитым годам Иван успел растерять всех или почти всех родственников. Да и не хотел он ни с кем видеться после трагедии с женой. Сердце Ивана неприятно заныло. Это происходило почти всякий раз, когда он вспоминал свою Машу. Иван не любил эти воспоминания, гнал их. Отчасти из-за этого, из-за тягости гнетущего прошлого он и поддался на уговоры Лёшки подписаться на контракт в Чечню. Родителей Добров потерял рано. Отца

почти не знал, мать помнил только молодую. Лёшку, жившего по соседству, Иван знал всегда. Друг детства, школьный товарищ. В школе в старших классах сидели за одной партой. Летом вместе гоняли в казаков-разбойников в дачных Озерках. Неразлучные друзья, даже срочную служили вместе. Иван знал, что на Лёшку можно положиться всегда. В любой ситуации. Он тот, кто никогда не бросит, и ни за что не предаст.

Иван тоже не собирался оставлять в беде лучшего друга. Сейчас он обойдёт боевиков с тыла, со стороны излучины реки, оттуда переправа как на ладони и выяснит, что случилось. Бандиты наверняка успокоились, расслабились, Ивану этого только и надо. Надо разведать обстановку и выяснить, кто из товарищей уцелел.

А потом Иван уже посмотрит, что лучше сделать.

Добров выбрал для наблюдения удобную позицию. Отсюда переправа действительно была видна как на ладони. Спрятавшись в кустах, метрах на пятьдесят выше по течению, чем то место, откуда боевики вели огонь, Иван, тщательно замаскировавшись в кустах, через снятый с винтовки оптический прицел стал наблюдать за тем, что происходило на месте перестрелки. Добров насчитал не меньше трёх десятков вооружённых до зубов «чехов». Бандиты, не прячась, не опасаясь, что следом за разведчиками может появиться основная группа федералов, укладывали тела убитых сотоварищей на специально подогнанных для этого лошадей. По три трупа на одну скотину. Иван не знал скольких людей потеряли бандиты, но явно не меньше девяти. Как раз три лошади боевики уводили в лес.

Кроме тел врагов, Иван увидел также распластанных на камнях убитых десантников. Добров насчитал одиннадцать тел. Всего в разведгруппе было пятнадцать бойцов; это не считая старлея. Итого шестнадцать. Минус Иван. Минус убитые на камнях. Не хватает четверых. Иван уже начинает радоваться, припомнив, что перед началом перестрелки в лес вошли как раз четверо – Лёха Лекомцев, Карпов, Шанцев и здоровяк Пересторов. Возможно, им удалось отбиться, уйти. Внезапно Иван увидел, как из леса вывели пленного солдата. Руки у десантника были связаны за спиной, всё голова в крови. С такого расстояния даже через сильную оптику было трудно разобрать кто это. Кажется Карпов. Точно Карпов. Один из боевиков-бородачей толкнул в спину раненого десантника, и тот, не удержав равновесия, упал. Боевик, разозлившись, пнул солдата. Ещё один чеченец подбежал к пытающемуся подняться Карпову и стал его избивать.

Иван быстро вставил оптику в «ласточкин хвост» – посадочное место прицела и сменил обойму на СВД. Передёрнув затвор, он поднял винтовку, плотно прижавшись правой глазницей к резиновому наглазнику, и стал искать цель. Иван проделал всё это очень быстро и чётно, но не всё равно успел. В тот момент, когда он уже готов вести огонь, Карпова убили. То ли «чехи» решили не брать пленных, то ли ещё по какой причине, но со связанным десантником жестоко расправились. Прозвучал короткий пистолетный выстрел и пленный, так и не поднявшись, ткнулся простреленной головой в прибрежные камни, обагряя их кровью.

«Тварь!» – Иван едва не нажал на спусковой крючок, но в последний момент всё же сдержался. Сослуживцу уже не помочь, а вот выстрел этот может стоить Доброву жизни. Сжав зубы, Иван продолжил наблюдение. Больше пленных не было видно, но десантник заметил одну заинтересовавшую его вещь – разбитую в самом начале боя радиостанцию отряда. Снятая с убитого радиста «Р-129» валялась бесполезной коробкой у самой кромки воды. Иван увидел, как один из чеченцев подошёл к рации, поднял её, и зачем-то потряс. Прижав ухо, боевик пытался что-то услышать из недр мёртвой железяки.

«Тряси не тряси – ЭмТиВи ты из неё не услышишь», – подумал про себя Иван, надеясь, что «чех» всё же бросит бесполезную для него железку. Так и произошло. Не найдя ничего интересного, боевик бросил ящик. Рация наполовину погрузилась в горную речушку, недалеко от берега. Иван облегчённо перевёл дух; у него появился реальный шанс дать сигнал своим о том, что произошло в ущелье. Для этого надо лишь дождаться, когда бандиты уйдут.

Отложив винтовку в сторону, и, положив неразлучный АКМС на колени, Иван прислонился спиной к стволу раскидистого дерева. Сейчас ему надо выждать, пока враги не покинут место боя.

Ждать пришлось долго. Лишь через несколько часов боевики вывезли тела убитых десантников. Транспортировали их всё тем же гужевым транспортом. Не удивительно, дорог в этом месте горной Чечни никогда не было; на все квадратные километры лишь несколько троп. Малонаселённый дикий край.

Малонаселённый, да не совсем. В последнее время здесь активизировались вооружённые банды самопровозглашённой республики Ичкерия. В частности бригадного генерала Хаттаба. В связи с этим Федеральное командование решило провести разведку верховий Аргунского ущелья. Операция, частью которой являлся рейд группы, в которую входил Добров, разрабатывалась в строжайшей тайне, в условиях полной конспирации. Да всё же видно плохо конспирировались. Иван не сомневался, что их отряд попал в заранее спланированную засаду. Боевики точно знали путь прохождения отряда. Знали и ударили с двух сторон. Кто-то предал десантуру. Найти бы этого кого-то и отомстить за погибших товарищей, только вот как?

Но как бы там ни было, сейчас у Доброва другая цель: надо выжить самому, надо спасти друга, и по возможности отомстить за погибших товарищей. Хладнокровия Ивану было не занимать. Едва только боевики покинули берега речки, он отправился к месту перестрелки. Осторожно, стараясь не выдать своего присутствия, – мало ли что, вдруг «чехи» оставили засаду, – десантник подобрался к переправе. Не обнаружив присутствия боевиков, он рискнул сбегать за разбитой радиостанцией. Проделав короткий рывок к бурлящей речке, Добров вытащил порядком промокший ящик «Р-129» и быстро побежал назад к спасительной зелёнке.

Удалившись на безопасное расстояние, и немного покружив среди зарослей, Иван, наконец, нашёл укромное место и принялся за ремонт рации. В своё время, ещё до службы в армии, он увлекался радиолюбительством. Паял приёмники, настраивал цветомузыки. Давно это было. Но тяга к радиотехнике не прошла. Потому и поступил в своё время Иван в Политехнический на факультет радиоэлектроники. И с отличием его закончил. Так что диплом должен был сейчас пригодиться. Пара минут, и с помощью универсального ножа, превращённого в отвёртку, Добров снял кожух радиостанции. После этого он по возможности просушил начинку рации и, наконец, осмотрел повреждения.

Диплом всё же помог. А может просто удача. Как бы там ни было, повреждения радиостанции оказались незначительными. Иван просто исключил несколько вышедших из строя каскадов и подключил не успевшие разрядить батареи.

Прозвучал щелчок тумблера, Иван настроился на нужную частоту и проговорил в эфир.

– Заря, Заря, я – Коршун, – нажав гашетку передатчика, Иван вызвал базу.

Он несколько раз повторил позывной, прежде чем наушники ожили ответом. Добров по голосу определил, что на связи сам ротный.

– Коршун, Коршун, я – Заря. Почему не выходили на связь?

– Товарищ, капитан, – Иван отбросил положенный в таких случаях кодовый язык, – у нас потери. Почти все погибли. Точнее остался я один.

– Командир где?

– Убит.

– Кто на связи?

– Добрыня.

– Доложи обстановку.

– Взвод попал в засаду в квадрате 82—28, на переправе. Двенадцать двухсотых. Всех увезли «чехи». Мне удалось восстановить рацию.

– Остальные?

– Не знаю, но среди убитых не видел.

Иван собирался ещё что-то добавить, но в этот момент услышал подозрительный шум. Отложив радиостанцию и снайперскую винтовку, он выглянул из кустов. Вроде никого. Решив всё же перестраховаться, Добров, перебегая от дерева к дереву, прячась за толстыми стволами, подобрался к кустам, за которыми начиналась тропа. Выглянув из зарослей, он сразу же заметил боевиков. Стараясь не шуметь, Иван повернул назад и тут же наткнулся на других бандитов. Заметив целящихся в него врагов, он без раздумий вскинул автомат, но неожиданный удар сзади по голове свалил десантника с ног.

Темнота окутала Ивана.

Ночь бурлила, клокотала темнотой, вспыхивала мириадами звёзд. Жизнь начиналась и тут же заканчивалась. Сновидения исчезали мимолётными картинами. Душа рвалась из плена, но не находила выхода. Кошмары устали преследовать измученный разум, который сам хотел смерти.

Сделав невероятное усилие, Иван, наконец, пришёл в себя. Связанные за спиной кисти рук тут же отдались резкой болью. О том, сколько Добров пролежал в неудобном положении с затёкшими, стянутыми верёвкой руками, оставалось лишь гадать. Небо начинало темнеть, выходит, прошло несколько часов с того момента, как Иван попал в плен.

То, что Добров был в плену у боевиков, не вызывало сомнений. Едва придя в себя, Иван тут же, неуклюже со связанными за спиной руками, с туго перетянутыми в лодыжках ногами попытался сесть. Оружия, естественно, при нём не оказалось, как не оказалось и подсумка с патронами и вещмешка с сухпайком. С третьей попытки Ивану удалось всё же сесть, и он смог рассмотреть, куда попал. Это был небольшой походный лагерь боевиков. Две-три землянки, бездымный костёр, лошади на привязи безошибочно говорили об этом. Людей было немного. Неподалёку от пленного стояли четверо «чехов» и что-то оживлённо обсуждали на чеченском языке. Ещё трое грелись у костра.

С приближением сумерек температура воздуха заметно понизилась. Один из сидящих у костра заметил копошение пленника. Поднявшись, он неторопливо направился к десантнику. Видя приближение боевика, Иван решил, что его начнут допрашивать, выяснять детали сорвавшейся операции. Но вместо этого подошедший боевик, зло выкрикивая что-то по-чеченски, просто пнул пленника. Иван едва успел отклонить голову от мелькнувшего сапога, как тут же получил сильный удар в грудь. Промахнувшись первый раз, боевик принялся ожесточённо избивать связанного десантника, и Ивану ничего не осталось как, сложившись пополам, по возможности уберечь голову от наиболее сильных ударов.

Так продолжалось пару минут, пока запыхавшийся боевик не устал и не отошёл от пленника. Как только удары прекратились, Иван вновь сел. На этот раз это ему удалось с ещё большим трудом. Однако Добров не сдался и, сделав невероятный рывок, даже умудрился подняться на ноги.

Поднявшись, Иван попробовал языком кровоточащие губы и оглядел обступивших его чеченцев. Увидев бородатые, смотрящие со злостью лица врагов, он ожидал продолжения избиения, но вместо этого один из бородачей, – судя по осанке, более жёсткому требовательному взгляду – главный среди «чехов», внезапно задал вопрос.

– Что, русский, не того ожидал?

Иван, ещё не отошедший от избиения, молчал. Главарь с презрением глядел на пленника и тоже молчал, но его взгляд красноречиво говорил: «Того ли ты хотел, русский, когда пришёл с войной в наши горы? Небось, жалеешь, что взял автомат в руки. Ничего, скоро ты пожалеешь, что тебя мама родила».

– Как зовут? Какая часть? – наконец, спросил боевик.

– Любопытный какой, – Иван сделал попытку усмехнуться, но тут же сморщился от боли.

– С тобой по-человечески разговаривают, а ты грубишь, – удивился чеченец.

– Ну, если по-человечески, то Иваном меня зовут. А часть, хрен его знает какая. Забыл.

– Да что с этой сукой разговаривать, – в разговор вступил другой бородач. – Мочить его надо. Не видишь что ли, Аслан, это же контрактник? Большие бабки приехал в Ичкерию зарабатывать. Говно – не человек.

Иван удивлённо посмотрел на заговорившего боевика. Тот совсем не походил на горца, хотя, в общем-то, чеченцы больше похожи на русских, чем на выходцев с Кавказа. На грузин или азербайджанцев, например, они вовсе не походят. И акцент у них вовсе не кавказский. Своеобразный, но он всегда присутствует, даже если чеченец долгое время живёт за пределами республики. Этот же боевик говорил совершенно чисто по-русски. Точнее с небольшим южным говорком, меняя «г» на «х». Неужели наёмник?

– Хохол что ли? А ты чего тут делаешь? – с трудом разлепив разбитые губы, спросил Иван.

И тут же получил тычок в лицо. Иван умудрился не упасть, отступив назад, с трудом удержав равновесие. Оскорблённый бандит направил ствол «Калашникова» в лицо десантника и зло передёрнул затвор.

– Погоди, Фармацевт, – остановил его другой боевик.

– Чего годить, Татарин? Мочкануть козла и все дела!

– Ты Аслана сначала спроси, а потом калашом махай. Твоя добыча что ли? Магомед этого гаска взял, пусть он и кончает.

К группе, окружившей Ивана, подошли остальные боевики лагеря, молча ожидая развязки истории с решением участи пленника.

– Татарин правильно говорит, – секунду подумав, бросил Аслан, – Магомед придёт и решит, что с этим русским делать.

– Хорошо бы его на видео заснять, – услышав это, сказал Татарин, – жаль камеру поломали.

– Магомед к Асламбеку пошёл, у того должна быть камера. Надо убитых гоблинов заснять, Эмир просил. Магомед к вечеру вернётся, тогда и заснимем героическую смерть бойца регулярной Красной армии. Так, солдат? Готов ли ты умереть за Россию в чеченских горах?

– Это Кавказские горы, – ответил Иван.

– Смотри, какой грамотный, – удивился Аслан. Потом зло добавил. – Запомни, гоблин, это чеченские горы. Ты пришёл их завоёвывать, но ты здесь и умрёшь.

– Ты что бог, чтобы знать, где я умру?

– Точно. Для тебя я сейчас посланник Аллаха. Я здесь для того чтобы тебя здесь не было. Понял?

– Неужели? Да мы с тобой, чечен, коллеги. А я здесь для того, чтобы таких, как ты не было.

Аслан, которого, наконец, вывела строптивость пленника, неожиданно пнул его в пах. Послышался короткий стон, и Добров, согнувшись, упал на землю.

– Зря ты так, я злопамятный, – сказал Иван, с трудом выцеживая слова.

– Эта собака мне еще и угрожает? – удивился Аслан.

– Может, поучим его вежливости, заодно узнает, что за горы вокруг? – Послышался щелчок, и в руках Фармацевта появился нож-выкидуха. – Выпустим кишки этой гниде. Хотя нет, лёгкой смерти он не заслужил. Кожу с него живьём сдерём. Могу приступить хоть сейчас. Что скажешь, Аслан?

– Решили же на видео заснять, – вновь встрял Татарин, – Давай Магомеда подождём. Чего зря добру пропадать? Эмир за кассету хорошие деньги заплатит.

– Это верно. Эмир щедрый. Он и за это хорошо заплатит, – с этими словами Фармацевт снял висящий у него за спиной вещмешок и, просунув руку в горловину, вытащил из него человеческую голову. Схватив за волосы окровавленный кусок человеческого тела, он ткнул

им в лицо сидящего на земле десантника. На Ивана взглянули мёртвые стеклянные глаза Пересторова. Не помогла сержанту вся его сила и умение ломать кирпичи.

Иван инстинктивно отклонился от окровавленной головы. Увидев его движение, боевики загоготали.

– Что, русский, испугался? – усмехаясь, проговорил Аслан. – Эта голова убила моего двоюродного брата Салмана. Я её высушу и повешу у себя в огороде. Пусть ворон распугивает.

Иван, сделав невероятное усилие, вновь поднялся на ноги. По всей видимости, спастись в этой ситуации у него шансов не осталось никаких. Оставалось лишь достойно умереть. «Эх, всё время просил лёгкой жизни, а надо было просить лёгкую смерть», – подумал Добров и решил, что настало время умереть. Сейчас для этого надо всего лишь как следует разозлить боевиков.

Иван слегка согнулся и, словно выпущенная торпеда, ударил головой в нос Фармацевта. Послышался неприятный хлопок. Боевик вскрикнул от боли и отскочил назад, держась за расплющенный окровавленный нос. Иван, воспользовавшись замешательством противника, успел прыгнуть в сторону Аслана, целясь и тому в голову. Плохо рассчитав рывок, он промахнулся и, не удержав равновесие, упал.

Он потерял сознание почти сразу же от обрушившего града ударов автоматными прикладами.

Вновь темнота поглотила Ивана.

Боль Иван не любил. Да и кто любит боль? Точнее он не мог представить, как справится с невыносимой, нечеловеческой болью пыток. Когда Иван видел в фильмах, как пытают людей, ему всегда казалось, что выдержать такое он не сможет никогда. Он всегда думал, что в таких случаях гораздо легче умереть, чем переносить нестерпимые муки. Тем более что шансов выжить всё рано никаких нет. Страшно смотреть, как терзают твою плоть. Страшно осознавать неотвратимость и невозможность исправить произошедшее. Вытекший от удара острым шилом глаз никогда не восстановится. Как никогда не вырастет исковерканная в железных тисках кисть руки. Умереть легко. Умирать – трудно.

Как только Иван пришёл в себя, он увидел прямо перед собой невидящие глаза Фармацевта. Бандит принял дозу и, находясь под действием наркотика, стал практически неуправляем. Его сломанный нос был заклеен лейкопластырем. Лицо припухло, а на бороде были видны следы запёкшейся крови.

Только что из отряда на встречу с Магомедом ушла основная часть боевиков; Аслан с Татарином в том числе. Остались лишь он – Пётр Ковальчук, больше известный за тягу к наркотикам, за использование любых лекарственных препаратов для получения кайфа, как Фармацевт, и двое других боевиков – Ахмет с Хасаном. Пленного русского сторожить. А чего его сторожить? Кончать козла надо. Фармацевт поморщился от боли в сломанном носу. И наркота не помогает, боль мешает забыться. Ничего, сейчас Петро посчитается с этим уродом. Строптивый пленник будет умирать долго и мучительно. Боевик щёлкнул лезвием выкидухи. Зачем русскому два глаза? В его положении это излишняя роскошь. Хотя нет, он начнёт с носа. Только ломать не станет, а просто отрежет. Боевик, оскалившись, поднёс лезвие к лицу пленника.

– Я буду тебя резать по кусочкам, козёл, – добравшись до добычи, Фармацевт не знал, с какой пытки ему лучше начать, чтобы полностью насладиться местью. – Сначала отрежу все пальцы. Начну с мизинца левой руки, а завершу большим пальцем правой ноги.

– Завершишь, ты падаль, в какой-нибудь канаве со свинцовой начинкой в животе. – Чтобы умереть без боли, Ивану нужно было как следует разозлить врага. Это сейчас был единственный шанс Доброва на быструю смерть.

– Смелый, говоришь? – Фармацевт скривился оскалом жёлтых зубов. – Сейчас начну пытать, ты у меня не так запоёшь.

Иван был привязан к стволу раскидистого орешника. Несколько рядов верёвки крепко притягивали его к дереву. Ко всему прочему его руки, – уже почти не чувствуемые, – были по-прежнему связаны за спиной и ноги крепко стянуты в лодыжках. Захочешь, не убежишь.

Досталось Ивану на это раз очень прилично. Затёкший левый глаз практически не видел, лицо от множества побоев превратилось в кровавую маску.

Тем временем, на лес опустилась темнота. Извилистые тени плясали, отражаясь от огонька небольшого костра. Лагерь опустел, боевики ушли, забрав с собой лошадей. Кроме украинского наёмника Иван заметил греющихся у костра ещё двоих бородачей.

Фармацевт, полностью потерявший контроль на собой от переполняющей его ненависти, и от очередной дозы наркотика, наконец, решился поквитаться с русским. Он поднёс острое лезвие к лицу десантника и криво усмехнулся. Что наложил в штаны, козёл? Молись, Богу, Аллаху, кому угодно – пришла твоя смерть.

– Петро, неправильно ты делаешь, – послышался от костра голос Ахмета. – Ты лезвие прокали докрасна и тогда режь русского. Как по маслу пойдёт.

– Задолбался я ждать, когда Аслан из лагеря уйдёт, а ты говоришь нож накали. И так порежу козла, без подогрева. Все кишки этой сволочи наружу выпущу.

С этими словами бандит взмахнул ножом. Иван непроизвольно зажмурился и отвернул лицо. В это момент он услышал одиночный выстрел. «АК-74», – сразу определил Добров и открыл глаза. Он увидел согнувшегося в три погибели Фармацевта. Бандит выронил нож и упал на остывающую землю. Боевики у костра вскочили на ноги. В ответ на это прозвучала короткая автоматная очередь. Темнота лагеря вмиг ожила вспышками выстрелов. Подстреленный Хасан упал в костёр, подняв вверх тысячи красных угольков, и мгновенно, словно факел, вспыхнул. По лагерю разнёсся неприятный запах горящей человеческой плоти.

Ахмет в ночной перестрелке продержался чуть дольше. Он даже успел схватить «Калашников» и, выйдя на шаг из светового круга костра, полоснул во враждебную темноту длинной, в полмагазина, очередью. Внезапно его автомат замолк и Ахмет упал лицом вперёд, вновь пересекая границу света и тьмы. Из его спины торчал нож.

«Даже накаливать не пришлось» – прокомментировал Иван. И насколько позволяло разбитое лицо, улыбнулся подошедшему Лёхе. «Нашёлся, чертяка. Жив-здоров, ещё и меня спас», – с благодарностью подумал Добров.

– Я твой вечный должник, брат. – Добавил он вслух.

Они не были братьями по крови, но часто, особенно в последнее время, в Чечне так называли друг друга. Здесь на войне по-другому нельзя. На войне выжить можно лишь чувствуя рядом крепкое плечо друга. Брата. Когда ежедневно рискуешь жизнью бок о бок с другим человеком, он тебе и становится как брат. Кроме того, Иван знал Лёху с раннего детства. Ещё тогда они отстаивали правду, стоя по одну сторону линии, разделяющей добро и зло. По светлую сторону этой гипотетической линии. По крайней мере, Иван твёрдо верил, что это так. Добров не был херувимом; на войне, как любой солдат ему приходилось убивать. Он стрелял в людей, но делал это вынужденно. Иван – солдат, и этим всё сказано. А солдат всегда выполняет приказ. Сейчас же выполнение этого приказа означает освобождение многострадального народа Чечни. И пусть идеологи сепаратистов на каждом углу трубят, что борются за свободу самопровозглашённой республики, им не обмануть Ивана. Добров не раз становился свидетелем, как эти «борцы за свободу» грабили собственный народ. Похищали и убивали. Не русских, – русские для бандитов, оккупировавших Чечню, стали вообще вне их «шариатских» законов. Нет, бандиты не делали разницы между своими и чужими. Особенно ненавидели тех, кто не был согласен с их кровавыми законами.

Конечно, Иван был далёк от того, чтобы идеализировать то, чем он занимался. Война она и есть война. На войне убивают и очень часто – невинных. Добров это прекрасно понимал, никогда не оправдывая насилие. Но он также знал, что по-другому здесь, сейчас нельзя.

С теми, кто превыше всего ставит силу, нельзя разговаривать нормальным языком. С ними можно говорить тоже лишь языком силы. Вопрос только в том, чтобы это не сделать самоцелью, не ожесточиться, не стать такими, как те, что по другую сторону. Хотя до этого очень тяжело не опуститься, когда тебе стреляют в спину именно те, кого ты защищаешь. Трудно оставаться при этом невозмутимым. Когда убивают твоих друзей, тяжело удержаться от мести. Иван уже понял, что проще становится лишь, когда начинаешь относиться к войне, как к работе. Тяжёлой, смертельно опасной, но всё же обычной работе.

Всё это промелькнуло у Ивана в голове, пока Лёха, стараясь не задеть болячки друга, отвязывал его от дерева.

– Досталось тебе, Добрыня, – вместо приветствия бросил он. – Я за лагерем давно наблюдаю, видел, как они потчевали тебя прикладами и сапогами. Ждал ночи, когда будет удобный момент. Дождался и едва не проворонил. Когда увидел, что этот с ножом к тебе пошёл, думал, не успею.

Лёха, освободив от верёвок едва не рухнувшего на землю Доброва, придерживая друга, помог ему сесть. Иван прислонился к толстому стволу дерева. Посидел немного, дожидаясь притока крови в затёкшие конечности.

– Ну как, Добрыня, оклемался? – спросил Лёха и, не дожидаясь ответа, добавил. – Можешь идти, или тебя бедолагу тащить придётся? Надо побыстрее уматывать: «чехи» далеко не ушли. Если выстрелы услышат, то вернутся.

– Дай ещё пяток минут посижу. – Иван помассировал кисти рук. – Ты сам как выжил, бродяга?

– Сам не знаю, каким чудом ноги от чеченов унёс. Думал уже: «Хана Лёхе Лекомцеву пришла». Мы сначала втроём пробивались: Я, Шанс и Пересторов. Потом меня «чехи» отрезали, оттеснили в орешник. Пришлось уходить в одиночку. Я троих чеченов положил из калаша, потом обе «лимонки» в дело пустил. Взрывами половину орешника покоцало. Слышу за спиной шум, крик. Чечены орут: куда русский подевался? А я уже далеко. Вверх по течению поднялся, потом на другой берег перебрался. Следы запутывал. Хорошо у «чехов» не было собак. Иначе бы мне кранты. В общем, оторвался.

– Ребят жалко. И старлея тоже. Мировой мужик был.

– Кто-то нас сдал. – Лёха с силой стукнул кулаком по стволу дерева. – Сука! «Чехи» в засаде сидели. Узнаю, кто продал, на куски порву. Что, всех перестреляли?

– Кроме нас, может, только один уцелел. Не больше. Пока меня не взяли, я наблюдал за чеченами из укрытия. Они убитых ребят куда-то на лошадях вывозили. А потом видел голову Пересторова.

– Уроды. Убивают и то не по-людски. А на кой им тела солдат?

– Бабки отрабатывают. Они же на видео всё снимают, потом хозяевам за границу отсылают кассеты. А тут у них осечка вышла: камеру сломали. Я от «чехов», которые меня повязали, об этом слышал. Меня потому сразу и не убили. Тоже хотели заснять. Вон тот, что валяется, хотел…

Иван посмотрел в сторону подстреленного Фармацевта и осёкся.

– Слышь, Добрыня, а где тот бандюк, что тебя хотел резать? – Лёха тоже заметил пропажу.

Отбежав от дерева, он осмотрел весь лагерь, слабо освещаемый остатками костра. Боевик, как в воду канул.

– Брось, Лёха, не ищи, – Иван поднялся на ноги. – Уходить надо.

Лёха не возражал. Лишь перед тем как уйти из лагеря он прихватил бушлат и вещмешок одного из боевиков, в котором оказались мясные консервы, да поднял с земли трофейный автомат для друга. Иван, пошатываясь, побрёл следом за Лекомцевым в темноту леса.

Через сутки блужданий по горам их подобрала поисковая команда. Иван уже не веривший в то, что они выберутся из бесконечных гор, поверил в собственное спасение, лишь когда

они поднялись в воздух в бронированном брюхе вертолёта. Увидев удаляющиеся деревья ущелья, промелькнувшую полоску реки, он, наконец, поверил в собственное спасение и, глядя на неунывающего друга, подумал: «Спасибо, брат, век не забуду, что ты для меня сделал».

ЧАСТЬ 1

1 ГЛАВА

Спустя три месяца Лёху ранило. Шальной осколок, госпиталь, вердикт врачей – годен к нестроевой. Срок контракта не истёк, и Лёха – не инвалид, но уже и не совсем здоровый, – после ускоренных курсов прапорщиков устроился на военные склады в тех самых Озерках, где когда-то в далёком детстве играл в казаков-разбойников с лучшим другом Ванькой Добровым.

Иван же оттянул лямку трёхгодичного контракта на все сто. Аргун, Шали, Грозный. Кровь и смерть, жизнь в аду войны. Не верьте тому, кто говорит, что к войне можно привыкнуть и что можно стереть из памяти лица убитых боевых товарищей. Добров знает, что обречён всю жизнь помнить о том, в каком пекле он выжил.

Но всё это осталось позади: блокпосты; трассеры по ночам; воюющая Чечня. Иван три месяца как гражданский человек, и как любой нормальный человек, он возвращается домой. Дом у каждого свой, у каждого своя родина. У Доброва – это Нижний Новгород. Старинный город на берегу великой реки. Кремль, окружённый многоэтажками, и трамваи, разрезающие булыжники мостовой. Гигант автозавод, выплёвывающий толпы людей из проходной, и маленький букинистический магазинчик на улице Горького. Бешеный ритм двухмиллионного мегаполиса, и тихие улочки старого города. В последнее время Нижний всё чаще снится Ивану.

Вот и сейчас Добров видит себя во сне, бредущим по Кулибинскому парку. Золотая осень, ветер шевелит облетающую листву и ворошит волосы, Иван держит за руку Машу. Они только познакомились, но Ивану кажется, что он знает Марию всю жизнь; самую красивую и чудесную девушку на всём белом свете. Иван хочет сказать об этом Маше, приближая своё лицо к её лицу, но неожиданно вместо красивого овала видит кровавую маску. На Доброва смотрит глазницами вытекших глаз мёртвец. «Завтра ты умрёшь», – говорит он, и Иван в ужасе отшатывается, он пытается убежать, но внезапно просыпается.

В уши врывается перестук вагонных колёс. За окнами бетонными столбами мелькает темнота, купе освещается тусклым светом плафонов, включенных на нижнем ярусе. Стоит глубокая ночь. «Кому-то не спится» – думает Иван и свешивается с верхней полки, чтобы посмотреть кому именно. Он замечает молодую парочку, – старающегося казаться серьёзным молодого человека и немного легкомысленную, слегка взбалмошную, но весьма симпатичную девушку – и убирается назад. Эти двое сели на поезд несколько часов назад во Владимире. Ворвались со смехом в купе, где кроме дремлющего на верхней полке Доброва никого не было. Молодые беззаботные студенты. Иван понял из обрывка разговора, что они знакомы друг с другом, но встретились на вокзале случайно и, судя по всему, встрече этой рады. Купили по такому случаю полуторалитровую бутыль пива, которую, разумеется, тут же и выпили. Постельные принадлежности, предложенные проводником не взяли; скоро выходить, а несколько часов можно и не поспать – дело молодое. Поболтают о том о сём, о нелёгкой студенческой жизни, о сданной сессии и сессии предстоящей, о декане – «звере», и о мизерной стипендии. Глядишь, время пролетит незаметно. Ивану бы их проблемы.

В своё время он был таким же беззаботным студентом. Хотя нет, всё же Добров не был точно таким. В институт он поступил после службы в армии. Его – десантника, только что отслужившего в Вооружённых Силах, без проблем взяли в Нижегородский Политех. Несмотря на то, что Добров успел подзабыть в армии школьную программу, он быстро освоился и учился в институте на отлично, всегда отличаясь от сокурсников серьёзным отношением к занятиям. В то время у Ивана было лишь два увлечения: учёба и радиолюбительство. Учёба приносила радость, занятие радиотехникой – радость вдвойне. Тем более что Добров учился по люби-

мому профилю – на радиоинженера. Засиживаясь до ночи, сначала над конспектами, а потом над паянием радиосхем, в то время Иван практически не увлекался противоположным полом. У него на это просто не оставалось времени. С утра учёба, после обеда тренировки в секции кик-боксинга, вечером подготовка к занятиям и любимое копошение с радиодеталями.

Жил тогда Иван уже один: тётка после смерти оставила ему двухкомнатную квартиру. Лёха – всегдашний сердцеед, иногда просил у друга воспользоваться его жилплощадью, и Иван никогда не отказывал, занимая на эту ночь место Лекомцева в студенческой общаге. Весельчак и спортсмен Лёха без труда покорял женские сердца. Пытался он познакомить с девушками и своего друга, но обычно это оканчивалось неудачей; Ивану было не до развлечений. Не то чтобы он совсем не обращал внимания на молоденьких студенток, обращал, конечно же: всё же возраст брал своё. Пару раз Иван заводил романы, даже влюблялся. Но, идя на короткие связи, каждый раз, едва только мимолётные отношения начинали перерастать в нечто большее, рвал с девушками. Словно боялся их, словно было ещё не время. Тогда он действительно считал, что ещё не время. Любовь пришла позже, и её звали Маша.

Под щебетание студентов Иван незаметно уснул, а когда проснулся, в купе никого не было – попутчики вышли покурить.

Сон как рукой сняло, и, Иван, немного помедлив, спустился вниз. От увиденных только что картин пересохло в горле, и Добров, открыв пепси, оставленную им с вечера на столике и чьё поколение только что наблюдал в действии, с жадностью отпил шипучего напитка. Потом, заметив принесённую попутчиками гитару, взял её в руки. Проиграл на шестиструнке пару аккордов, проверяя настройку инструмента.

– Вы играете?

Задумавшись, Иван неожиданно услышал вопрос вернувшихся соседей. Спрашивала девушка, торопливо поправлявшая сбившуюся причёску. С близкого расстояния Добров смог получше её разглядеть и понял, что не ошибся, попутчица действительно была хороша. Её правильные черты лица, быть может, лишь немного портили слишком тонкие губы и нос. Но зато к её фигуре придраться точно было нельзя – как раз тот тип спортивной женской фигуры, что предпочитал Иван.

Возвратившиеся из тамбура студенты, устроились на сиденье напротив Ивана. Молодой человек, бросив взгляд на десантный безрукавный тельник попутчика, на татуировку на мускулистой руке Ивана – знак российских ВДВ, ожидая ответа, посмотрел на Доброва.

– Да, бывает, играю. В своё время музыкалку закончил по классу струнных инструментов. Всегда учился из-под палки, не думал, что пригодится.

– Пригодилось? – вновь спросила девушка, – потом, не дожидаясь ответа, добавила. – Андрюша у нас тоже играет. Он в институтской команде КВН – лучший певец. Недавно его по телевизору показывали. Видели, наверное, последнюю Премьер-лигу этого сезона? Наша команда «Полисмех» в четвертьфинал вышла.

– Олечка, ты так нескромно меня рекламируешь, – засмущался молодой человек. Потом, спохватившись, представился – Андрей. Студент НГУ имени Лобачевского.

– Ольга. – Девушка последовала примеру спутника, – можно Оля. Тоже студентка. И тоже НГУ. Мы с Андрюшей на параллельных потоках учимся. Пятый курс.

Голос у Оли был под стать внешности. Нежный и в тоже время немного вызывающий.

– Иван, – в свою очередь представился Добров. – Бывший десантник. С дальнейшим выбором жизненного пути ещё не определился.

– Домой едете? – девушка удобно устроилась у окна. – В Нижний Новгород?

Иван кивнул в ответ.

– А почему бывший десантник, и где служили? – Ольга явно заинтересовалась попутчиком.

– Срок моего контракта истёк, – по мне, наверное, видно, что в срочники я староват, – поэтому и бывший. И вот теперь я вольный человек, гражданский. А служил в Чечне.

– В Чечне? – в один голос переспросили студенты.

– Было такое дело, – Иван всё ещё держал гитару. Тронув струны, проиграл несколько аккордов и тихо запел.

Он пел о войне: о разведвзводе, который навсегда ушёл в горы. О том, как умирали друзья на холодных камнях: как бился десант до последнего. Как не сдались, не дрогнули и не предали. Он пел о мужестве, дружбе и чести. Он пел о ВДВ.

В жизни бывало всякое, но Иван всегда благодарил судьбу за то, что она распорядилась направить его в Воздушный Десант; за то, что в своё время военкомат определил его для службы в ВДВ. В спецвойска, поскольку задача десанта высадиться в тыл врага и воевать с превосходящими силами противника, чтобы биться до подхода основных сил. Которые, бывает, подходят слишком поздно, как это было с ротой Псковских десантников, почти полностью погибшей в Аргунском ущелье, в том самом, где в своё время полёг и разведвзвод Доброва. Тогда, в горах Чечни, Иван выжил лишь благодаря приобретённым в ВДВ навыкам бойца спецподразделений. И конечно благодаря Лёхе, пришедшему ему на помощь. Лекомцев был ему другом с раннего детства, но Иван ни на минуту не сомневался, что окажись на его месте любой из десанта, он поступил бы также. Чувство товарищества в десантниках развито сильно, и каждый из них, не задумываясь, пойдёт на помощь попавшему в беду сослуживцу. Пусть даже с риском для собственной жизни.

Пропев пару куплетов, Иван остановился, задумавшись от нахлынувших воспоминаний. Улыбнулся, увидев сразу посерьёзневшие лица попутчиков. Эх, ребята, не дай вам бог пережить то, чего я пережил. Не дай вам бог.

– Сами сочинили? – с уважением спросил молодой человек.

Было заметно, что он немного комплексует. За кажущейся серьёзностью скрывалась обыкновенная неуверенность в собственных силах. Иван же от комплексов давно излечился.

– Нет, стихи писать я не умею. У нас в роте срочную проходил Слава Усманов. Он дембельнулся полтора года назад. Это его песня.

– Спойте ещё что-нибудь, – попросила девушка.

– Не знаю, удобно ли. Поздно уже концерт устраивать.

– Ну, пожалуйста.

– Правда, исполните ещё что-нибудь, присоединился к просьбе Андрей, – у вас неплохой голос.

– Ну, если вы настаиваете… Только я тихо, что б соседей не разбудить.

Вспомнив, что последний раз исполнял эту песню как раз в ту ночь, когда погиб Шанцев, Иван допел песню до конца.

Тогда их рота понесла самые существенные потери за весь период боевых действий. Если конечно не считать Грозный. Но во время его последнего штурма Иван уже служил в спецназе, и не знал, как распорядилась судьба с бывшими сослуживцами. Но он твёрдо знал, что никогда не забудет боевых товарищей, с которыми прошёл самые тяжёлые дни службы.

Песня студентам понравилась. После её исполнения соседи Ивана с минуту посидели молча, переваривая обрушившиеся на них эмоции. Ребята, не знающие, что такое армия, на мгновение прикоснулись к нелёгкой солдатской службе, прикоснулись к войне. Чечня и ВДВ; горящий БМД и чертополох трассеров; купол парашюта над головой и сердце в перекрестии снайперского прицела.

На самого Доброва тоже нахлынули воспоминания. Вскоре после того, как Лёху ранило, Ивана вызвал к себе ротный. Неустроев, окинул требовательным взглядом десантника и без обиняков предложил Доброву идти в спецназ ВДВ. В дивизии как раз собирались пополнить штат этого подразделения. Отбор десантников по всей Чечне был самым тщательным: лишь

среди показавших себя в боевых условиях бойцов. Из их полка выбрали троих, в том числе Доброва. Его лично рекомендовал сам ротный, и Иван, не раздумывая, согласился. Романтика воинской службы ещё не успела раствориться в его душе: спецназ ВДВ это действительно круто.

Наваждение непрожитой жизнью длилось у студентов недолго; лёгкий стук отодвигающейся двери купе, в проходе появилась проводница. Иван виновато опустил гитару решив, что его песни мешают спать соседям, и проводница зашла предупредить об этом. Но к Ивану никто претензии не стал предъявлять. Оказалось, что Андрею скоро сходить, приближалась его станция. О чём проводница и зашла предупредить пассажира.

Спустя полчаса после того, как Ольга проводила своего спутника, Иван, успев вполне подружиться со студенткой, вовсю беззаботно болтал с попутчицей.

Девушка, смеясь, поведала о том, как на каникулах ездила в Ростов к тётке. Как купалась и загорала, как там у неё едва не случился роман. Весело щебеча, она за полчаса пересказала весь свой ростовский отдых и сделала небольшую передышку лишь для того, чтобы попить пепси. Как бы невзначай при этом она поправила полупрозрачную блузку, от чего её и без того сексуальные груди стали выглядеть и вовсе аппетитными.

Стараясь сильно не смущаться от явно понравившейся ему девушки, Добров в свою очередь поддержал разговор и рассказал Оле, без прикрас, но стараясь не шокировать слишком откровенными подробностями, несколько эпизодов своей службы в Чечне.

– Раз был такой случай. Наш полк бросили на Шали. Блокировали село по полной программе. Мы, то есть разведвзвод, перекрыли дорогу со стороны гор. Засели в оцеплении, укрывшись за БМДехами. Курим, ждём команды, что делать дальше. Вдруг видим, над селом появились две «вертушки».

– Вертушки?

– Вертолёты, то есть. Вот эти самые «вертушки» красиво так заходят над селом и летят прямиком в нашу сторону. Мы им руками машем, приветствуем. Свои всё же. Потом смотрим, что-то не то происходит. Вертолёты заходят на боевую изготовку и жах по нам ракетами. Разрывы, дым, ничего не видать. Хорошо ракеты между БМДешками угодили, а то бы нам точно каюк. Ротный сразу галопом к рации, орёт во всю глотку: мать-перемать, вы что, идиоты, творите? А вертолётчики оправдываются – приняли нас за боевиков. Смех, да и только.

Иван улыбнулся, припомнив забавный случай. Оля в рассказе ничего забавного не увидела, но тоже улыбнулась в ответ. Интересный всё же Иван парень; едва не погиб, а рассказывает об этом, как о хорошей шутке. Так может относиться к жизни только сильный человек. Причём этот случай для Ивана лишь так – один из эпизодов в череде событий его бурной жизни. Оля невольно начала сравнивать своего давнего знакомого Андрея и Ивана. Андрей, смешной, интересный. Иван – он другой. Он очень отличается от той молодёжной студенческой среды, в которой обитает девушка, Иван не похож ни на одного мужчину, которого она знала до сих пор. Оля, задумавшись, посмотрела на сильные с буграми бицепсов руки соседа по купе. Переведя взгляд с наколки ВДВ, посмотрела прямо в светло-серые глаза Ивана. Встретившись с его взглядом, спохватившись, что не пристало девушке так разглядывать мужчину, Оля сказала, что пора сходить покурить.

Всё дальнейшее произошло само собой. Она поднялась с кушетки и приподняла сиденье, чтобы достать из сумки, оставленные там сигареты. Иван сразу же кинулся на помощь девушке. От чересчур поспешного движения они случайно столкнулись и, внезапно почувствовав тела друг друга, замерли от неожиданности. Иван не спешил отодвигаться. Оля тоже стояла не шелохнувшись, сладкая дрожь возбуждения охватила её тело. Почувствовав настроение девушки, понимая что Оля стоит не шевелясь, словно ждёт от него решительных действий Иван обнял девушку, при этом слегка проведя ладонями по её бёдрам. Его рука, скользнув по короткой юбочке, продолжая естественное движение, нырнула под тонкую ткань. Оля, вмиг

прижалась к новому знакомому. Подняв голову, она поискала губами губы Ивана и горячо немного торопливо поцеловала его. Добров, прижал девушку к себе, не переставая гладить её стройное тело. Они ещё некоторое время, лаская друг друга, постояли посередине несущегося в ночи вагонного купе. Были забыты и сигареты, и воспоминая о войне; во всей Вселенной остался только миг жизни, только миг наслаждения.

2 ГЛАВА

Задание шефа оказалось для Качана полной неожиданностью. Днём позвонил главный и, как гром среди ясного неба, огорошил приказом. Причём добавил требовательно, что всё надо проделать именно сегодня. Вот прямо сейчас хватай автомат и беги, как угорелый, на другой конец города. Полный беспредел. К подобным делам вообще стоило подходить только с большой подготовкой, тщательно всё взвесив. А главный велел ни есть, ни пить, а провернуть операцию сегодняшним вечером. И к чему такая спешка?

Вообще-то, этот вечер Качан хотел провести в тренажёрном зале. Два дня уже не тренировался, так можно и форму потерять. Без долгого контакта с «железом» Качан быстро хирел; всё у него валилось из рук, дела не клеились. Лишь поработав пару часов со штангой, он начинал входить в нормальное состояние. Бодибилдинг Качан любил с детства. Тогда ещё не было тренажёрных залов с профессиональным оборудованием, тогда вообще культуризм был под запретом, и потому приходилось заниматься в подвалах. Иступлёно «качаясь» на самодельных станках, Качан день за днём лепил своё теперешнее огромное в буграх мышц тело. Больше всего на свете он любил смотреть в зеркало на себя и свои мускулы. Ему нравилось наблюдать за ростом собственной мускулатуры, за ростом своей силы. И всё же, постоянно измеряя объём бицепсов, Качан никогда не прибегал к анаболикам. Для этого он слишком любил себя, прекрасно понимая, что быстрый результат принесёт такие же быстрые проблемы. Вообще, торопиться Качан никогда не любил. Всегда всё взвешивая, тщательно продумывая каждый свой шаг, он год за годом совершенствовал своё тело и благоустраивал свою судьбу.

По этой же причине, по причине благоустройства собственной жизни он и работал на шефа. Деньги тот платил немалые. Правда, лишь ему – Качану. Остальные из бригады получали с хозяйского стола лишь крохи. Прижимистый Качан не баловал излишними деньгами подчинённых ему братков. Да и то сказать, этим бездельникам и столько много. Вон ржут, как лошади, а как до дела дойдёт, ещё неизвестно, как себя поведут. Хотя эти ещё самые лучшие; на сегодняшнюю операцию Качан их лично отбирал. Ништяк – тот два года как отслужил во Внутренних войсках; из «Макарова» птицу на лету подстрелит. Котёл тоже неплох; бывший морпех. Вертухай, правда, нигде не служил, но боец что надо – оторванный по полной программе; один против сотни пойдёт и глазом не моргнёт. Жук всех попроще будет, хотя и дерётся неплохо, но он так, для массовки. Есть ещё Китаец, тоже боевой парень, сегодня он водила, на подхвате.

В общем-то, Качан знает, что жаловаться ему на своих людей грех. Хоть у него их и немного, но каждый стоит двоих, а то и троих. Сам же Качан может положить и поболее противников. Прецеденты уже бывали, и об этом как раз и идёт речь.

Скоро уже час как Качан с его лучшими людьми сидят в машине и ждут клиента, заказанного шефом. На водительском месте Китаец, рядом с ним Жук. Остальные расположились сзади. В карты играть надоело, и приятели, успевшие обсудить в деталях предстоящее дело, разговаривали о делах минувших.

– Слышь, Качан, а как ты по весне тех четверых заводских уложил? Говорят, ты их голыми руками валил?

Это поинтересовался Китаец, прозванный так за восточный разрез глаз и неумную тягу к боевым единоборствам. В бригаду к Качану он попал из-за этой тяги, прекрасно показав себя в первом же своём деле. Тогда ловкий Китаец справился с тремя выглядевшими более сильными противниками. Именно выглядевшими, а на поверку оказавшимися мешками для нанесения ударов умелого бойца. Китаец в одиночку справился с охраной Ермола – бригадира Заводских, – с которыми у людей Качана всегда были непростые отношения, и за ним навсегда закрепилась репутация самого лучшего рукопашника бригады.

– А ты мои руки видел? – Качан показал огромный бицепс.

– Ну, дак…

– Тогда чего спрашиваешь?

– Я к тому, чего ты «пушкой» не мочканул?

– Правда, почему, Качан, ты их из пистолета не положил, было бы всё ништяк. – Поинтересовался в свою очередь Ништяк, прозванный так за любимое словечко. – У них же оружия не было. Наверное, думали и так с тобой справятся.

Ништяк, повадками похожий на бывшего уголовника, никогда не был таковым. Незнакомых с ним людей часто вводила в заблуждение его манера держаться, но на зоне Ништяк был лишь в качестве охраны. Точнее отслужив два года во Внутренних войсках в Ухте, он навсегда заимствовал из холодной Коми воровские привычки, приучившись за время несения службы к чифирю, к игре в буру и блатным словечкам. Сам же он зоны практически не охранял, служа в полку ВВ в комендантском взводе.

– Да некогда было за «токарем» тянуться. Быстро тогда всё произошло. Я же с тренажёрного зала домой возвращался, к подъезду уже шёл, когда эта кодла на меня навалилась. Ребята всё такие здоровые, с монтировками в руках, а сами руки в блестящих кастетах. Хотели меня проучить за то, что я их бугра в той драке у сауны на жопу посадил. Ну, помните?

– Помним, помним, – Котёл заёрзал на сиденье от предвкушения рассказа Качана. – Чё, дальше-то было?

Котёл, получивший своё прозвище из-за фамилии Котляров, никогда не пропускал различные драки и потасовки. Здоровый, высокий, под два метра ростом он всегда отличался взрывным, задиристым характером, что до армии на «гражданке», что во время службы в Морской пехоте на Дальнем Востоке, что орудуя в бригаде Качана. Имея прекрасные навыки бойца, Котёл был на хорошем счету у своего бригадира.

– А чё было? Ничего особенного. Вижу, от подъезда толпа на меня прёт, – они ведь ко мне домой наведывались, а дома никого, вот заводские и вышли воздухом подышать. Первого с куском водопроводной трубы я сразу же с первого подскока вырубил. Потом эту самую трубку подобрал. Увесистая такая, специально подготовлена, свинцом залита. Пока железяку подбирал, меня кто-то по башке кастетом зацепил. Тут меня такая злость взяла, крышняк поехал, и я пошёл эту заводскую братву метелить, только кровь да мозги в разные стороны полетели. Остановился, когда добивал последнего. Вижу, сдох падла, лежит на земле раскорячился, весь в крови и соплях. Остальных потом в реанимации еле откачали. С тех пор больше не дёргался их бугор на меня. Как-то повстречались, так он свернул в сторону, «закосил», будто меня не видит. Так бочком и слинял, падла.

– Так чё, ты до сих пор с ним не поквитаешься? – На этот раз поинтересовался Жук, который сам бы этого дела никак не оставил без последствий для противоположной стороны. Дрался он хоть и похуже того же Китайца, но, как говорится, наглость второе счастье, им в полной мере обладал Жук, зачастую берущий своих противников напором и внезапным натиском. В отличие от «братьев» по бригаде в армии он служил не в боеспособных войсках, отпахав два года срочной в стройбате. Но это не мешало Жуку, пройдя школу жизни сравнимой разве что с выживанием в зоне, чувствовать себя равноправным бойцом. Всегда помня золотое правило, гласящее, что два солдата из стройбата заменяют экскаватор, Жук никогда не падал духом, даже попадая в самые безвыходные передряги. Благодаря своему напористому характеру, он до сих пор выходил из них целым и невредимым. Наглость браться за подчас неразрешимые вопросы всегда помогала Жуку выжить, хотя со временем могла сыграть с ним и злую шутку.

– Успеется. Придёт ещё время, – отмахнулся Качан. Вглядевшись в промелькнувший мимо их машины знакомый силуэт автомобиля, он добавил. – А сейчас время пришло клиента разуму поучить. Вон как раз его тачка пролетела.

– Точно, клиент вовремя поспел. Всё, кажется, ништяк. – В свою очередь, вглядываясь в ночную дорогу, сказал Ништяк. – Сейчас Вертухаю отзвонюсь, пусть подъезжает.

– У него чё, всего одна машина охраны? – Заметив промелькнувшие машины, поинтересовался Жук. – Клиент просто смеётся над нами.

– Китаец, чего медлишь? – Котёл, проверив автомат, передёрнул затвор. – Поехали.

Опомнившийся Китаец резко рванул с места, и машина устремилась вслед за только что проехавшим «клиентом».

Лев Сергеевич Куприянов, как любой настоящий коммерсант, любил хорошо расслабиться и как следует отдохнуть после напряжённого трудового дня. Сауна «Дельфин», с номерами и шикарными девочками; гостиница «Приют путника», с полным набором дополнительных услуг; отель «Кавказ», где всегда можно оторваться по полной программе – это тот самый треугольник, где частенько зависал предприниматель.

Вот и сейчас Лев Сергеевич, предварительно сообщив благоверной о том, что у него важная деловая встреча с одним из московских поставщиков, спешил в сауну. Невнятно напевая под нос «дельфин и русалка не пара, не пара» коммерсант ёрзал на заднем сиденье своего джипа «Гранд Чероки» в предвкушении предстоящего удовольствия. За рулём автомобиля Льва Сергеевича, как обычно сидел его личный водитель, а по совместительству также и телохранитель – Гриша Михеев. Парень что надо. И машину водит не хуже Шумахера, и на кулаках крепок. Вот только в бабах ничего не смыслит. Не то чтобы не смыслит, но всегда отказывается от предложения Льва Сергеевича поразвлечься на досуге с девочками. Говорит, что верен только одной – жене Гале. Причём твёрдо верен. Недавно Куприянов ему даже «свою» Юльку предлагал. Все в городе, разумеется, из тех, кто может себе такое позволить, знают, что Юлька шикарная девица, быть может, лучшая. Что в одежде, что без таковой. Что сверху, что снизу. Вот только дорогая очень. Сумму, выкладываемую Львом Сергеевичем за ночь, проведённую с ней, даже как-то неудобно называть. При мысли о Юльке, Куприянов сглотнул слюну. Скорей бы уж добраться до вожделенного женского тела. А деньги… Куда их тратить, как не на все удовольствия жизни? К тому же чего-чего, а деньги Лев Сергеевич зарабатывать умел. Три года назад он открыл в Нижнем Новгороде первый магазин электроинструментов. Начал с нуля и, несмотря на жестокую конкуренцию, добился определённого успеха. Теперь у него уже целая торговая сеть «Электромира», налаженные поставки из Москвы и других регионов, отменный сервис обслуживания: всё на европейском уровне. А цены, наоборот, очень даже российские, низкие, как раз для нашего потребителя. Лев Сергеевич за большими наценками никогда не гонялся, уповая на оборот, так что порой его «Электромир» перебивал клиентов у более крупных маститых фирм. Хотя бы у того же «Электрорадо». Куприянов, припомнив давешний телефонный разговор с Храповцевым Павлом Николаевичем – гендиректором торговой сети «Электрорадо», усмехнулся. Пашка Храп как всегда вёл себя нахально и грубо. Пёр нахрапом. Требовал, чтобы Лев Сергеевич повысил цены на товар, сравняв их с общегородскими, обвинял в демпинге, злился. Обещал поставить Куприянова на место в случае невыполнения его требований. Да что там, впрямую угрожал. Только Куприянова на голые угрозы не возьмёшь. Жидок ещё Храп грозиться. Молод, жизни не повидал, а туда же на понт Куприянова, повидавшего всё и вся, брать пытается. Знаем мы вас таких прытких. Только встанете на ноги, и сразу давай других под себя мять. Только со Львом Сергеевичем это не выйдет. Не будет он плясать под дудку какого-то Храпа. Сколько не грози и не махай кулаками.

Храбрясь, Лев Сергеевич, тем не менее, опасливо глянул в заднее окно джипа, проверив на месте ли автомобиль с охраной. Заметив характерные с синей неоновой подсветкой огни «Мерседеса» сопровождения, успокоился; бдительная охрана следовала по пятам за джипом хозяина. И то сказать, какая охрана – четверо отменных бойцов из лучшего в городе охранного агентства «Русский Витязь» – все специалисты своего дела, каждый стоит семерых. С такими

никакой Храповцев не страшен. Лев Сергеевич сразу успокоился и больше не вспоминал о разговоре с наглым конкурентом.

Не вспоминал он неприятный разговор и когда попал в долгожданную сауну. Как всегда в «Дельфине» ему были рады. Хозяйка Стефания (она же по совместительству «мама» девочек, обслуживающих клиентов сауны), как всегда лично спустилась со второго этажа в холл поприветствовать известного в городе предпринимателя. Стефания, сама из бывших девочек, хоть и в приличном для подобного ремесла возрасте всё ещё была очень даже ничего. Похуже конечно красавицы Юльки, но ещё вполне в теле. И то сказать, как раз тело и составляло главную ценность Стефании. Именно благодаря ему она, в своё время, в неспокойную, но такую благодатную для энергичных людей перестройку сумела по дешёвке приобрести бывшие Северные бани, переделав их со временем в шикарную сауну «Дельфин». Чиновник из городской администрации, что когда-то в своё время польстился на прелести Стефании, давно уже ушёл на заслуженную пенсию, оставив хозяйке «Дельфина» довольно приличный источник дохода.

Сама сауна приносила неплохую прибыль, но основной источник дохода Стефании шёл всё же от работы её девочек. Мадам из неё вышла неплохая. В своё время, вдоволь натерпевшись от собственных сутенёров, хозяйка «Дельфина» с пониманием относилась к проблемам «ночных бабочек» – в основном девушек из ближнего зарубежья, приехавших в Россию в надежде подзаработать. Сама Стефания тоже в своё время попала в этот промысел подобным же путём. Совсем ещё молоденькой девушкой она покинула родной Житомир, приехав в поисках лучшей жизни в Москву. Тогда ещё не Стефания, а просто Стеша, как и многие она мечтала поступить в Театральный, но мечтам не суждено было сбыться. В институт она не поступила, провалив вступительные экзамены, домой возвращаться не хотелось. А хотелось найти лёгкий способ заработка денег с тем, чтобы через год вновь попытать счастья. Для весьма симпатичной девушки такая работа быстро нашлась, но судьба распорядилась иначе и вместо престижного института Стеша попала на панель. Тогда в далёкой молодости она всего лишь хотела немного заработать денег, но в результате временный заработок стал смыслом всей её жизни. И Стефания никогда не раскаивалась в сделанном выборе, считая древнейшую из профессий одной из самых престижных и доходных. Откладывая потихоньку деньги, она вскоре перебралась из суетливой шумной Москвы в куда более спокойный и не менее прибыльный Горький. Стефания всегда мечтала, разбогатев, открыть своё собственное агентство по вызову, сделать же подобное в Москве не представлялось возможным; вот Нижний совсем другое дело. Отличаясь умом и красотой, Стефания никогда не была дешёвой девкой, стараясь выжать из своих состоятельных партнёров максимум пользы. Случай с приобретением Северных бань наглядно это иллюстрировал. Едва приобретя сауну, Стефания тут же отделала под «евро» внутренние помещения «Дельфина» и развернула бурную деятельность. Отбирая к себе только самых лучших девочек, она вскоре заработала неплохую репутацию. Предлагая только лучший товар, и цену на девушек Стефания всегда держала соответствующую. По этой причине кто попало к ней в сауну не заезжал; Стефания предпочитала проверенных, платёжеспособных клиентов. Как, например, только что приехавший Лев Сергеевич Куприянов.

Выйдя к дорогому гостю в разлетающемся шёлковом халате, Стефания, подхватив под руку предпринимателя, доверительно на ушко сообщила ему, что Юля уже давно ждёт, и, как всегда в таких случаях, посторонних в сауне нет. Лев Сергеевич довольно кивнул; судя по всему, вечер обещался выдаться отменным.

Почти одновременно с Куприяновым к «Дельфину» подъехала неприметная по сравнению с громадиной «Чероки» белая «Нива. С полностью заляпанными грязью номерами и тонированными стёклами вазовский внедорожник с трудом объехал на узкой улице, освещённой лишь тусклым светом одиночных фонарей, джип Куприянова. Наблюдающий за этим маневром «Нивы» Гриша – водитель Куприянова, только покачал головой: давай-давай, четырёх-

дверка, задевай джипяру – в жизнь твоему хозяину не расплатиться. Новая модель «Нивы», проехав буквально в нескольких сантиметрах, всё же умудрилась не поцарапать дорогостоящий джип, но это её не спасло. Водитель в «Ниве» попался редкостный растяпа и, подъезжая к сауне, он зацепил бампером «Мерседес» охраны Льва Сергеевича. Сразу же послышался характерный звук скрежетания металла о металл, и иномарка мгновенно отреагировала оглушительно завопившей сигнализацией.

Бойцов «Витязя» в машине не было, иначе бы несдобровать водителю-растяпе. Можно было ожидать, что «Нива» тут же скроется с места преступления, но странное дело, тот, кто сидел в машине и не подумал уезжать, словно бы не зная, с кем связывается и на какие «бабки» попал. Уже и возмущённый Гришка Михеев, выскочив на улицу, направился к замершей у тротуара «Ниве», и из сауны выбежали двое «витязей», а тонированный внедорожник оставался всё так же недвижим. И лишь когда один из охранников почти вплотную подскочил к нему, дверь «Нивы» распахнулась, и из машины показалась рука, державшая пистолет с глушителем. Послышались два едва слышных в городском шуме хлопка. Выдвинувшийся вперёд «витязь» по инерции сделал ещё несколько шагов вперёд, перед тем, как упасть на асфальт.

Гришу, бог реакцией и что главное сообразительностью не обидел. Едва увидев, как быстро изменилась ситуация, он тут же потянулся за своей «пушкой», но достать её не успел. Пока он тянулся за оружием, остальные двери «Нивы» распахнулись, и из машины выскочили вооружённые люди. Выхватывая пистолет, Гриша рванул назад к спасительному джипу. Послышалась череда приглушённых глушителем выстрелов. Личный водитель Куприянова, словно подтолкнутый в спину, потерял равновесие и безжизненной тушей ткнулся головой прямо в переднее колесо автомобиля. Пули ещё несколько секунд металлическими шлепками терзали кузов «Чероки», потом огонь нападавших переключился на оставшегося в живых «витязя». Тот уже понял, что не ему тягаться с превосходящими силами противника – четверо нападавших вооружены пистолетами с глушителями и автоматами. Охранник только ещё совсем недавно начал работать в агентстве и на «гражданке» впервые попал в такую передрягу. В своё время он действительно отслужил в знаменитом спецподразделении «Витязь», имел боевой опыт и поэтому мгновенно смог оценить своё положение. А положение у него было такое, что лучше всего спасаться бегством. Рванув к дверям сауны, охранник только чудом ушёл из-под обстрела.

Пули шрапнелью ударили по кирпичу стены, забарабанили по металлической двери, но «витязь» всё же сумел целым и невредимым проскочить в дверной проём. И лишь там, в коридоре, почти спасшись, он всё же получил шальную пулю в бедро. Сбитый острой болью на пол «витязь» попытался встать на ноги. Едва не потеряв сознание от болевого шока, он сразу упал. Поняв, что не убежать, охранник перевернулся на спину и выхватил пистолет. Сквозь застилающую глаза пелену боли он заметил мелькнувшие в дверном проёме силуэты людей и нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, один из вбежавших в узкий проход дёрнулся назад. «Попал», – подумал «витязь» и через мгновение умер, нашпигованный автоматными пулями.

Путь в сауну был свободен, но люди, расстрелявшие охранников Куприянова, не торопились продолжать нападение. Пройдя по узкому коридору, и спустившись в подвал, они остановились у двери, ведущей в холл.

– Слышь, Ништяк, что там с Жуком? – перешагивая окровавленное тело охранника, поинтересовался Качан.

– Да, всё нормально. Так, ерунда, руку слегка зацепило, – ответил его спутник. – Всё будет ништяк.

– Рука не рука, а один хер, проблемы, – отозвался Качан. Потом отдал приказ. – Пусть Жук валит в машину к Китайцу. Теперь он не вояка.

– Уже свалил, – ответил Ништяк.

– Тогда вперёд, – сунув за пояс пистолет и передёрнув затвор автомата, проговорил Качан.

– Погоди, Качан, сигнала от Вертухая не было.

Качан сам отдавал распоряжение врываться в сауну лишь по общему сигналу, поэтому торопиться не стал. Перестрелку наверху вряд ли кто видел, сауна находилась в глухом огороженном заборами тупике, так что волноваться раньше времени не стоило. Всё оружие у нападавших с глушителями, одиночный выстрел охранника не в счёт. Мало ли что на улице, точнее на входе громыхнуло; это ещё не повод поднимать тревогу оставшимся внутри здания людям. Вертухая Качан знал давно, ещё с бурной молодости и полностью ему доверял. Тот, хоть и не служил никогда ни в каких спецвойсках, один стоил многих бойцов. Сухой, жилистый, невероятно выносливый Вертухай отличался редкостным хладнокровием. Едва ли не единственный из всей бригады он успел отсидеть пару лет на зоне и, по отзывам очевидцев, не раз схватывался с более сильным противником, никогда при этом не уступая, беря врагов невероятным напором и способностью достигать поставленной цели любыми средствами. На задания Вертухай обыкновенно ходил один; никогда не надеясь на напарников. В этот раз он тоже в одиночку должен был проникнуть в сауну с запасного выхода.

Прошло с минуту после перестрелки, и Качан уже начал думать, что Вертухай на этот раз оплошал, но в этот момент внутри здания грохнул взрыв. Пол под ногами ощутимо дрогнул. Со стен посыпалась штукатурка.

– А вот и сигнал Вертухая.

– Тогда вперёд!

– Как договаривались, всех валить будем? – спросил подошедший Котёл, указывая при этом автоматным стволом на металлическую дверь.

– Всех, Котёл. Всех, – жёстко ответил Качан и добавил, перед тем как ударом ноги распахнуть дверь. – До последней суки. Нам свидетели не нужны.

Окна номера, где располагалась Стефания, выходили на улицу, и хозяйка, услышав звуки обезумевшей сигнализации, поспешила спуститься из номеров вниз, чтобы предупредить охрану Куприянова. Сам коммерсант в это время уже вовсю развлекался с Юлькой, и мадам беспокоилась, как бы неприятные звуки не помешали отдыху дорого гостя. Свой бизнес хозяйка «Дельфина» любила, относясь к клиентам с трепетом и уважением. Осторожно ступая по ступеням деревянной, достаточно крутой лестницы, придерживая полы шёлкового халата, Стефания спускалась вниз.

В холле в этот момент находились двое бойцов «Русского Витязя». Развалившись на кожаном диванчике, они лениво листали журналы с фотографиями обнажённых девиц. Из проигрывателя доносилась громкая музыка. По всему выходило, что сегодня работёнка охране попалась непыльная. Вот бы так всегда, не работа – одно удовольствие. Не то, что в прошлый раз, когда пришлось под проливным дождём колесить по всему городу, устроив слежку по заданию клиентки, подозревающей своего мужа в неверности. Нет, охрана Куприянова это совсем другое. Никаких тебе разборок с подвыпившим хамьём, как при охране бара «Консул», куда «витязей» иногда приглашают подработать, и не охрана «Волга-Банка», где за день проходит столько клиентов, что к вечеру голова идёт кругом. Нет, охранять Куприянова, это всегда работа несложная, а отчасти даже приятная. Знай только сопровождай известного коммерсанта по всему городу, делая периодически устрашающее лицо, да помалкивай обо всех его шалостях в «Дельфине» и других местах подобного рода. Да иногда выходи на улицу, чтобы отогнать мальчишек, балующихся сигнализацией «Мерседеса». Главное всё это проделать со старанием и рвением, а уж Лев Сергеевич не обидит и воздаст сторицей за «нелёгкие» труды.

Едва спустившись на несколько ступенек, хозяйка «Дельфина» увидела, как в помещении появился неизвестный человек. Высокий худой парень, вооружённый автоматом, широко

распахнув двери, выскочил из прохода, ведущего к запасному выходу. Заметив оружие в руках незнакомца, хозяйка застыла от изумления: «Ограбление?» В голове сразу же промелькнули кадры виденного накануне американского боевика, в котором грабитель вот также врывается в банк и, угрожая оружием, заставляет всех лечь на пол. Подумав, что у заведения приличная репутация, здесь не какой-нибудь банк, Стефания уже хотела спросить, чего собственно этому молодчику здесь надо.

Но озвучить свой вопрос хозяйка «Дельфина» не успела. «Витязи» оказались пособразительнее, и, едва заметив вооружённого человека, потянулись за оружием. Перед тем как окончательно почувствовать оружие в руках, у них в головах почти синхронно мелькнуло: «хороша непыльная работёнка».

От прохода к запасному выходу, из которого появился внезапный посетитель, до охраны Куприянова было не меньше пятнадцати метров, на месте холла в своё время в банях здесь располагалась пивная. «Витязей» от незнакомца скрывал прочный дубовый стол, поэтому незнакомец, едва завидев охранников, выхватывающих пистолеты, сам стрелять не стал. Лишь бросив что-то на пол, он быстро рванул обратно за двери.

Мадам увидела, как на гладком паркетном полу завертелась «лимонка». «Граната!» – пронзило мозг Стефании. Женщина ещё успела вспомнить почерпнутые из неведомых глубин памяти сведения о том, что гранаты взрываются не сразу, а через несколько секунд. Мадам даже успела повернуть назад, при этом неизвестно зачем придерживая полы вечно разлетающегося халата, когда грохнул взрыв. Окровавленный кусок плоти, бывший только что великолепным женским телом, сбросило взрывом с лестницы, и мёртвая хозяйка «Дельфина» кулём окровавленного тряпья растянулась на изрытом осколками паркетном полу.

Услышав взрыв, Качан и его команда ворвались в исковерканный, затянутом сизым дымом холл. Заметив сквозь дым движение справа от входа, за изуродованным диваном, Качан, не раздумывая, полоснул туда автоматной очередью. Недобитый охранник дёрнулся и затих навсегда. Его напарник со вспоротыми осколком животом и выпавшими наружу внутренностями к тому времени уже был мёртв. Подойдя к «витязям» и удостоверившись, что с охраной покончено, Качан отдал новое распоряжение.

– Котёл, проверь верхние этажи. Мочи всех подряд.

– Уже, – верзила рванул по испещрённой осколками лестнице вверх, в номера. И тут же резко обернулся на шум раскрываемых дверей. Увидев, что это Вертухай, махнул ему рукой и продолжил путь наверх.

– Вертухай, подмоги Котлу, – бросил Качан вновь прибывшему. Потом, обернувшись, добавил, – а мы с тобой, Ништяк, осмотрим сауну. Сдаётся, наш клиент там.

Качан оказался прав. Клиент, он же Куприянов Лев Сергеевич, действительно был в это время в бассейне. Коммерсант только начал расслабляться, поставив Юлечку в удобную позу, когда услышал прогремевший наверху взрыв. Вслед за этим почти сразу же приглушённо загрохотали автоматные очереди, и всё настроение заниматься сексом, как рукой сняло. Почувствовав неладное, Куприянов, грубо оттолкнув девушку, бросился в раздевалку. Голая Юля, неудобно растянувшись на мокром полу, недовольно вскрикнула. Поднявшись с пола, она собралась высказать всё, что думает об этом козле – Куприянове, но, услышав выстрелы, прогремевшие в раздевалке, – там, где скрылся её партнёр, замерла от неожиданности.

Покончив с коммерсантом, Качан вышел к бассейну проверить не осталось ли лишних свидетелей. Увидев замершую, как изваяние, обнажённую женскую фигуру и полюбовавшись несколько секунд прекрасным зрелищем, он с сожалением подумал: «Мать, твоя, какая красота пропадает». К женщинам Качан всегда неровно дышал, но из-за прижимистого характера, из-за вечной экономии никогда не мог себе позволить подобную девочку. Так чтобы, как у этой все параметры были, как положено: девяносто – шестьдесят – девяносто, и ростом и лицом бог не обидел. С такой бы девахой на природе оттянуться, да вечно денег на развлечения жалко.

А деньги Качану были нужны, он не собирался всю жизнь пахать на шефа, для этого постоянно откладывая деньги на безбедную старость. К тому же тренажёрный зал и спецпитание съедали немалую долю его дохода, поэтому денег, сколько бы их ни было, всегда не хватало Качану.

Секундное замешательство прошло, и девушка, заметив автомат в руках ворвавшегося человека, бросилась бежать. Она знала, что сразу за колонной в другом конце помещения есть небольшая дверца, ведущая в парилку. Это был шанс на спасение, но от ужаса осознания того, что сейчас может умереть, Юля поторопилась и упала, поскользнувшись на мокром полу. Ударившись головой о мраморный бортик бассейна, она потеряла сознание.

Качан, подойдя к растянувшейся в нелепой позе девушке, подумал: «Повезло, смерть свою не увидит» и в последний раз полюбовавшись прекрасным видом, нажал на спусковой крючок. Автомат коротко дёрнулся, оставив кровавые кляксы на белоснежном теле.

3 глава

Шашлык был хорош. Каха – повар Храповцева, приготовил его по всем правилам поварского искусства. Отборное мясо промариновал с луком в минералке и хорошенько прожарил. Шампуры насадил особым образом – на одном мясо, на другом овощи: помидоры и чередующиеся с ними некрупные баклажаны, надрезанные, с заложенными внутрь чесноком и солью. Объеденье.

Вот гости и объедались. Особенно налегал на еду давнишний приятель хозяина Дмитрий Григорьевич Нечепурь. Громко чавкая, он отправлял в рот кусок за куском великолепное прожаренное мясо, пытаясь насытить, казалось, ненасытную утробу. Покачивая огромным животом, распирающим камуфляжную куртку с полковничьими погонами, он изредка поворачивал объёмное туловище, обращаясь к другим участникам трапезы: Таркову Игорю Александровичу и хозяину особняка – Храповцеву Павлу Николаевичу, среди своих просто Пашке Храпу.

Радушный хозяин, одетый по-домашнему в спортивный костюм, отвечая на невнятные сказанные с набитым ртом фразы соседа, неделикатно морщился, глядя на необъятную фигуру гостя. Вот жрать горазд – боров. И чавкает, неприятно рядом сидеть. Но сидеть приходится, поскольку Нечепурь человек нужный. Как-никак, полковник – начальник базы хранения химического оружия. А главное, не пешка в своих кругах. С ним сам командующий округом за руку здоровается; как же одно военное училище заканчивали. Только один сейчас генерал, а второй всё в полковниках ходит. Хотя, несмотря на это, влияние имеет тоже немалое. Просто командующему в своё время больше повезло; оказался в нужном месте в нужный час, женившись на некрасивой и столь же глупой дочке генерала. Нечепурю повезло гораздо меньше, но на судьбу он не роптал, беря по возможности от жизни всё то, что недополучил в молодости. Молодость же начальника складов оказалась неспокойной. Сразу по окончании военного училища молодой лейтенант Нечепурь попал в далёкий гарнизон, в сотнях километров от Мурманска. Вечный холод и вечные снега – всё это никак не могло устроить мечтавшего о хорошей военной карьере к тому времени уже старшего лейтенанта, и Нечепурь развернул бешеную активность по улучшению военной карьеры. Никогда ни на кого не уповая, он знал, что помочь в этом может только одно средство – деньги, которые в свою очередь и рождают необходимые связи. Нечепурь, пробившись в замы командира части по тылу, вскоре обзавёлся и тем и другим. Втихаря ликвидируя «излишки» на вверенных ему складах, зам по тылу быстро сколотил немного денег и, не мудрствуя лукаво, перевёлся на другое место службы – в Уральский военный округ. Хозяйственный тыловик уезжал к новому месту с большими надеждами, увозя при этом с бывшей службы семь пятитонных контейнеров, доверху набитых наворованным на военных складах «бесхозным» имуществом. Повышенный до капитана Нечепурь и на новом месте на окружных складах хотел продолжить столь же активную деятельность, но тут его ждали первые и очень серьёзные неприятности. Начались новые времена, и получилось так, что майор Нечепурь угодил под раздачу. Не то чтобы он один воровал, воровали все, но только он один попался и как раз не вовремя. Тогда Дмитрий Григорьевич думал, что всё, конец, но заблаговременно заведённые связи помогли, и он не только не сел, а более того вышел из передряги с повышением в звании, попав на новое место службы в Озерки. Где до сих пор и служил в звании полковника и должности командира части, умудрившись не растерять и все прежние связи. Очень нужный человек был Нечепурь.

Как и другой собеседник Храпа – Тарков Игорь Александрович – персона, приближённая к самому губернатору. Да что там, приближённая; проще сказать – «Серый кардинал», без участия которого не принималось ни одно сколько-нибудь значимое решение областной администрации. Тарков лишь с виду выглядел серо и обычно, но близкие к нему люди знают, какая за этим человеком стоит сила. Не зря он всегда слыл за непотопляемого, умеющего выныр-

нуть из любого самого сложного положения чиновника. Тарков очень любил власть. Его любимым коньком всегда были разговоры о государственном аппарате; истории его возникновения и несомненной пользе для человечества. Часто в разговорах Тарков превозносил кардинала Ришелье – гениального, по его мнению, политика всех времён и народов. Не зря же Игорь Александрович получил за глаза «звание» серого кардинала, уподобляясь, где только можно своему средневековому коллеге. Подобно ему Тарков любил плести заговоры и интриги, смещая одних чиновников и назначая других. Причём он сам всегда оставался в тени, словно и не по его воле уходили в отставку или наоборот назначались те или иные персонажи политического спектакля местного значения. Умевший делать хитроумные ходы Игорь Александрович за короткий срок почти полностью подчинил себе областную администрацию, идя к очередному, но далеко не последнему шагу в его блестящей карьере – креслу губернатора. По крайней мере, Тарков очень надеялся, что вскоре займёт место того, кто в последнее время лишь формально руководил областью. И надеялся так Тарков не без причины. Вынашиваемый не первый год план реального, а не тайного вхождения во власть в последние время начал всё активней реализовываться. В Москве уже давно были задействованы нужные люди, и в самой области проведены соответствующие мероприятия. Перед решительным рывком Тарков собрал вокруг себя в областной администрации только проверенных людей. И вся его команда лишь ждала сигнала, чтобы начать предвыборную гонку. Пока же такой сигнал не поступал: всё упиралось в финансирование. В этой сфере блестящий интриган Тарков пока что буксовал; всегда думая, что власть это всё, а деньги ничто, он в своё время не отложил на чёрный день необходимой суммы, надеясь при необходимости одним разом заработать нужные средства. Игорь Александрович всегда полагался на свой ум, на умение заводить нужные связи, и это пока что его никогда не подводило. Начав государственную службу мелким чиновников в администрации столицы, Тарков вскоре пробился в замы префекта округа. Именно тогда ему сделали заманчивое предложение перебраться в Нижний, и Тарков, подобно Цезарю решив, что лучше быть первым на окраине, чем вторым в центре, покинул Москву, надеясь в Нижнем быстрее сделать карьеру. И Игорь Александрович не ошибся – всё шло именно к тому, что вскоре он должен был занять губернаторское кресло.

Храповцев прекрасно знал, что у Таркова связи имелись везде, где только можно: в прокуратуре, в местных СМИ, даже в ФСБ. Причём не только и не столько в Нижнем Новгороде, а по большей части в столице. Храп прекрасно понимал, что такой человек нужен в любое, тем более в наше, неспокойное время. Сколько уже дел под прикрытием Таркова Храповцев провернул и не сосчитать, и каждый раз он убеждался, что Игорь Александрович нужный человек.

Только к алкоголю всегда был неравнодушен; имеется такая человеческая слабость у гениального политика. Вот и сейчас, на коньяк вовсю налегает. И пусть налегает, Пашке Храпу для дела ничего не жалко. Подумаешь, полдюжины бутылок французского коньяка по триста баксов за штуку. Всё окупится, обязательно окупится. И богатый от широты души ужин, и девочки, дожидающиеся в сауне, когда господа к ним выйдут.

Подлив в только что опустошённую стопку новую порцию драгоценного напитка, Храп предложил тост.

– За наше дело!

Гости молча согласились и выпили. Лишь Тарков, наскоро закусив бутербродом с красной икрой, добавил к сказанному.

– Скорее, за успех нашего дела.

– Кстати, об успехе, Павел Николаевич, – внёс свою лепту в разговор дожёвывающий очередной кусок мяса Нечепурь. Взяв толстой ручищей пачку белоснежных салфеток начсклада, наскоро обтёр заляпанные жиром руки и добавил, – через пару дней должны приехать партнёры с Кавказа, а мы не готовы к этому. Паша, совсем не готовы.

– Всё будет в порядке, Григорьевич, – ответил слегка заплетающимся языком захмелевший хозяина дома. – Ты же меня знаешь. Я сказал, что найду бумаги – значит так и будет. Я всегда выполняю то, что обещал. Или есть сомнения?

– Сомнения, Паша, всегда есть, что нечего будет есть, – Нечепурь покачал головой и отправил очередной кусок в рот. – Понимаешь, я такой человек – вечно сомневающийся. Перестраховщик. Всегда считал и сейчас считаю: лучше перебдедь, чем недоглядеть. Люблю порядок и осторожность во всём. На красный свет через дорогу не перехожу, сплю с пистолетом под подушкой, жене – суке, не доверяю. Всегда считаю: мало ли что, и всякое бывает. А также никогда не даю пустых обещаний. Паша, никогда. И тебе советую так поступать.

Говоря так, начальник складов нисколько не кривил душой. Перестраховываться и ещё раз перестраховываться – было одним из основных принципов полковника. Вся его жизнь подтверждала это. Имея солидный наворованный за годы службы капитал, Нечепурь, тем не менее, вёл жизнь без особо шика. Передвигался всегда на служебном уазике, хотя вполне мог купить дорогую иномарку; имел обычную трёхкомнатную квартиру, хотя при желании мог бы переехать в индивидуалку; летом копался на весьма скромной даче, не столько из удовольствия, сколько из экономии. И на службе Нечепурь никогда не высовывался, помня тот случай его перевода из округа. Тогда он единственный раз в жизни рискнул, что стоило ему карьеры.

– Да причём тут красный свет, Григорьевич? – невозмутимо читающая нотации туша Нечепуря начинала понемногу доставать Пашку Храпа.

– А притом. Если уж ты сказал, а Игорь Александрович не даст соврать, что к понедельнику – замечу к прошедшему, прошлому понедельнику – уладишь все проблемы; вывернись кишками наружу, а выполни обещание.

– Я и выполню. Ну, вышла задержка, но…

– Паша, Паша, не надо никаких но. Просто дай результат и всё. Ты пойми: мы влезли в серьёзное дело, за которым стоят серьёзные, точнее сказать, очень серьёзные люди. Да мне ли тебе говорить, ты сам всё знаешь. Поэтому догадываешься, что если мы этих людей подведём, нехорошо нам будет, ой как нехорошо. А кто в этом будет виноват?

– Ну вот, опять я во всём виноват.

– Ты, Паша, не кипятись, – от Таркова, выпившего больше всех, за версту несло перегаром. – Григорьевич дело говорит. Встреча со дня на день, а мы не готовы.

Тарков как всегда принял на грудь немного лишнего, но это обстоятельство никоим образом не влияло на его мозговую деятельность. Даже наоборот, приняв солидную дозу алкоголя, Игорь Александрович начинал мыслить куда интенсивнее, при этом выглядя с виду основательно захмелевшим, способным едва связать несколько фраз. Под воздействием спиртного его мозг работал гораздо эффективней, чем в обычном трезвом состоянии. Тарков часто этим пользовался, выуживая необходимую информацию из находящихся под градусом собеседников.

– Игорь Александрович, я же говорю – всё будет в порядке. Не выплывут те бумаги, ни в коем разе. А если даже и выплывут, – я же не Господь Бог, всего знать не могу – то мы их зароем обратно вместе с тем, кто их выудит. Без проблем и лишних комментариев. Ты же знаешь, как я умею устраивать подобные дела?

– Знаю, Паша, знаю. И ценю за это. Но всё же лучше, чтобы всё было тише воды и ниже травы. Мне, как будущему губернатору, лишний шум ни к чему. Это потом, когда меня изберут, можно позволить расслабиться, немного пошуметь. А сейчас ни-ни: нервы электората надо беречь. Избиратель – он ведь существо весьма ранимое, чувствительное ко всяким слухам, сплетням, распускаемым продажными журналистами. Помнишь, на прошлых выборах в прессе проскочила деза на Толкуева? Правда, деза не совсем уж беспочвенная, но тем не менее. Где теперь этот Толкуев? Правильно, в жопе.

– Но, Игорь Александрович, у тебя с этим не может быть проблем. Пятая власть у тебя в кулаке.

– Верно, в кулаке, – Тарков поднял руку со стопкой, посмотрев на просвет, сколько в ней коньяка. Неудовлетворённый взялся за бутылку и, долив доверху стопку, залпом выпил. Вконец заплетающимся языком добавил. – И не только пятая, а просто власть… Ты ещё услышишь о Таркове, все услышат. И там наверху тоже. Пойми, Паша, власть это – всё… И это всё дано мне от Бога. Как говорится, кесарю – кесарево… Мне, мне – кесарево. Это моё предназначение – управлять людьми, и ничто и никто этому не может помешать. Так что, Паша, будь добр, проделай всё тихо.

– Всё и будет тихо, Игорь Александрович. Мои люди рыщут по всему городу, ищут документы. Я уверен – найдут.

– Найдут, только вот когда? – проговорив это, Нечепурь потянулся за очередным куском шашлыка. – Время, как известно – это деньги. А деньги сейчас на кону стоят немалые. Да что там, огромные деньжищи. Упустим время, не будет никаких денег. Не найдёшь, Паша, документы к сроку – всё богатство профукаем. Без бумаг сделки не будет, тебе это не хуже нас известно.

– Да, деньги-денежки нам нужны, – Тарков вновь потянулся к бутылке, – Ты только не обижайся, Паша, но сам знаешь, как нас поджимают сроки. Мне деньги нужны, вот-вот должна команда пиарщиков из столицы приехать. Дмитрий Григорьевич тоже переживает, человек, можно сказать, головой рискует. К тому же, поговаривают, у тебя в бизнесе проблемы; объёмы продаж падают. «Электромир» всех клиентов к себе переманил. С деньгами и у тебя не густо.

– Игорь Александрович, мой бизнес – это моё дело. Я с ним всегда справлялся, справлюсь и сейчас. Я уже кое-что предпринимаю в этом направлении. И ты, Григорьевич, не беспокойся, не профукаем бабки. Слово даю, – успокоив, как мог, компаньонов, Храп для собственного успокоения принял очередную дозу коньяка. – Да за такую сумму я горло кому угодно вырву. Вот этими руками.

Хозяин особняка сжал большие кулаки. Фигура похожего на огромную гориллу Храповцева невольно вызывала уважение собеседников. Они оба одновременно, но каждый трактуя по-своему, подумали, что действительно – Храп ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. Нечепурь подумал об этом в том ключе, что вероятность получить деньги всё ещё не потеряна. Храп всегда справлялся с поставленной задачей. Тарков же, наоборот, не исключал ничего даже негативного варианта событий, как всегда проигрывая в уме пути возможного ухода из дела. Впрочем, все варианты он уже давно продумал и знал, когда и как прервать операцию, если что-то пойдёт не так.

– Ну, вот и договорились, – Тарков вновь потянулся к бутылке.

Паша хотел ещё что-то добавить, но у него зазвонил сотовый телефон. «Храповцев, слушает», – откинув крышку мобильника и поднеся к уху серебристую коробочку аппарата, сказал он.

Паша ждал этот звонок, но в разговорах с компаньонами отвлёкся и совсем забыл о деле, порученном Пестову. Действительно, звонил помощник Храповцева. Прослушав короткий доклад, Храп одобрительно кивнул невидимому собеседнику и проговорил: «Понял, Качан. Сегодня можешь отдыхать. А завтра к десяти, как штык у меня в офисе». Отключив телефон, сразу же повеселевший хозяин особняка радушно предложил гостям.

– Игорь Александрович, Дмитрий Григорьевич, хватит вам о делах. Пора и расслабиться; девочки в баньке, нас ожидаючи, совсем запарились.

Гости, довольные приглашением, вставая, похотливо заулыбались. Вечер обещал закончиться ещё удачней, чем начался. Следуя приглашению, они, пройдя в добротно построенную финскую баню, для начала хорошенько прогрелись, пропаренные как следует заждавшимися

своих кавалеров девушками. Тарков при этом совсем разомлел и поэтому, когда все перебрались к бассейну, уже был совсем никакой. Возлежав на краю бассейна, Игорь Александрович пьяно смотрел на облизывающую его тело проститутку. Изловчившись и прихватив её за крепкую упругую задницу, Тарков приговаривал заплетающимся языком: «Давай, Ритка, давай, поднимай моего самого дорогого товарища». Ритка старалась, но товарищ никак не отвечал взаимностью. Не помогли ни ласки опытной девицы, ни приказ пьяного Таркова: «Встать, кому говорят!»

У Нечепуря дела обстояли получше. Настоящий полковник, скомандовав подошедшей проститутке: «Рачком, Томка, рачком», быстро поставил девушку в любимую позу. Потом, ощутив блаженство соития, запыхтел, как паровоз, налегая на её обширный зад расплывшимся от излишка жира собственным туловищем. Двигая жирным животом, Нечепурь громко стонал, перекрикивая при этом деланные стоны девушки.

Едва дело дошло до баб, как Храповцев сразу откололся от коллектива. Прихватив с собой двух обнажённых гурий, он уединился в спальне и, плюхнувшись мокрой спиной на белоснежные простыни, отдался во власть профессионалок. И пока те ублажали его, размышлял о предстоящей сделке и о проблемах, связанных с ней. Проблемы не давали как следует сосредоточиться, и Храп, наскоро получив удовольствие, отправил девушек прочь.

4 ГЛАВА

Иван в десантном тельнике и основательно потёртых джинсах с сумкой через плечо сошёл с прибывшего на конечный пункт поезда. Посмотрев в голубое небо, он вдохнул полной грудью утренний не успевший прогреться летним солнцем воздух и постоял немного у вагона, любуясь на преображённый за годы его отсутствия железнодорожный вокзал. Погода стояла чудесная, вовсе не такая когда он покидал Чечню. Тогда дул промозглый, пронизывающий до костей ветер, моросил мелкий дождик, а на грязно-сером небе не было даже признаков солнца. Сейчас же солнце светило вовсю, нагревая утренними пока ещё слабыми лучами кожу. Недавно взошедший диск светила стоял невысоко над горизонтом, испаряя своим быстро проявляющимся теплом небольшие лужицы короткого ночного дождя.

Вчера в Москве было нестерпимо жарко, и Иван, наученный опытом, не стал надевать джинсовку. Убрав куртку в спортивную сумку, он, поплотнее закрыв молнию, проверил на месте ли документы и, с лёгкой грустью вспомнив прощальный поцелуй Ольги, сошедшей на предыдущей станции, направился к входу в подземный переход.

Решив перед дорогой позавтракать; бурно проведённая ночь отдавалась урчанием в голодном желудке, Добров прошёл в кафе, расположенное в здании железнодорожного вокзала. Пройдя через проход, разделяющий собственно кафе и ресторан, Иван миновал просторный зал, обдуваемый висящими под потолком большими лопастями вентиляторов, и подошёл к стойке, за которой стояла скучающая, изредка позёвывающая барменша.

Утром посетителей было немного, и женщину, отработавшую ночную смену, клонило в сон. Впрочем, как только она заметила подходящего высокого парня с сильно развитым телом, в каждом движении которого сквозила скрытая мощь, как с женщины сразу же слетела вся сонливость. Быстро, одним движением руки поправив сбившийся под тонкой кофточкой бюстгальтер, она учтиво спросила клиента, что он желает, успев подумать, что подошедший мужчина очень даже ничего. Может из-за того что по-настоящему мужчины у неё не было вот уже третью неделю; муж при этом в счёт ни шёл, одно недоразумение это, а не муж, – может потому что именно такой тип мужчины она всегда предпочитала, но барменша с явным интересом разглядывала раннего посетителя. Строгая выправка с первого взгляда выдавала в нём военного. Об этом же говорили и десантная тельняшка и вытатуированный на правом плече знак ВДВ, и надетые немного не по погоде ботинки армейского образца с высоким верхом и шнуровкой. Барменша всегда неровно дышала к военным, а этот образец был и вовсе в её вкусе. В мужчинах ей особенно нравилась короткая армейская стрижка и стройная высокая фигура. А не как у её отрехолка-мужа, отрастившего волосы, словно баба, и расплывшегося к своим сорока, словно борец сумо. Нравилось барменше в мужчинах и приятная, красивая внешность.

Подошедший же клиент удовлетворял всем перечисленным требованиям. Загорелое лицо, серые глаза, прямой средней длины нос, обветренные губы и некрупный, но и не мелкий подбородок: всё это успела подметить женщина, пока утренний посетитель делал заказ. Невольно залюбовавшись его сильными с выпирающими бицепсами руками, барменша не сразу расслышала заказ. Подумав, что была бы не прочь провести время в компании этого военного, она ещё раз пожалела, что так рано вышла замуж и, недовольная своей жизнью, пошла разогревать в микроволновке курицу для раннего клиента. Решив, что это офицер, для солдата посетитель был немного староват – что-то около тридцати, барменша, пересчитав протянутые деньги, передала посетителю заказ: стандартную для железной дороги куриную ножку, да плюс салат оливье. Со вздохом сожаления она посмотрела на отошедшего к дальнему столику клиента, решив в следующие же выходные позвонить своему знакомому майору, с которым как-то неплохо провела время.

Иван, не зная какую бурю эмоций вызвало его появление, между тем спокойно уплетал явно перегретую курицу. Сидя на хлипком стуле, он, по-армейски быстро покончив с птицей, вопреки установленному правилу: сначала салат, потом второе, – принялся за оливье. Отметив про себя, что внимательно его разглядывающая барменша очень даже ничего, может лишь чуть полновата для стандартов, к которым он привык. Добров размышлял над тем, куда ему податься с вокзала.

В город Иван не стремился; дома, в пустой квартире, его никто не ждал; Доброва вообще никто не ждал в Нижнем. В городе остались, конечно, знакомые, но из близких друзей один только Лёха, который сейчас проживал с семьёй в Озерках – посёлке, отстоящем от областного центра в сорока километрах и расположенном при войсковой части, где служил Лекомцев. К нему, к лучшему другу, когда-то спасшему его из плена, и решил первым делом направиться Иван; тем более что близких родственников у Доброва давно не было: жена погибла несколько лет назад, те женщины, что у Ивана появлялись после Маши, давно забылись. Стерлись из памяти их лица, исчезли из записной книжки, наскоро записанные адреса. Жизнь за годы отсутствия Доброва сильно изменилась.

И город тоже изменился. Прошло всего три года, а Иван уже многое не узнавал в Нижнем. Появилось множество новых автобусных маршрутов, выросли новые дома, старые здания преобразились. Жизнь, вопреки прошедшей перестроечной разрухе, не стояла на месте, а двигалась вперёд семимильными шагами. Всё это успел заметить Добров, пока шёл от здания вокзала к стоянке такси.

Впрочем, изменился и сам Иван. После того как несколько лет назад Добров потерял жену, он впал в депрессию. Похоронив Машу, почти два года крепился, потом запил горькую. Запой за запоем. Жизнь казалась мукой, смерть – избавлением. Так бы, наверное, и сгинул Иван, если бы не лучший друг Лёха, который помог Доброву, вывел из нехотения жить, уговорил его поехать в Чечню. Иван согласился. Что ему было терять? За жизнь он никогда не цеплялся и никогда не дрожал над единственной и неповторимой. Хотя и никогда не бросался тем, что дано Богом. Добров всегда был приверженцем восточного взгляда на жизнь и судьбу, где человек лишь исполнитель кармических законов, где нет смерти, а есть переход на другую ступень развития, к другой жизни, где человек рождается и умирает бесчисленное количество раз, и где конец – это всегда одновременно и начало.

С молодости Иван увлекался восточной философией, естественно, помноженной на нашу русскую реальность. Древний восток Добров вообще очень любил. Когда-то давно его нельзя было оторвать от хатха-йоги. Потом наступил черёд увлечения боевыми единоборствами, изучением акупунктурных точек, аутотренингом. Короткое увлечение дзен-буддизмом сменилось на занятие тайским боксом.

Изучая аспекты восточной философии, Добров перелопатил горы литературы по древнему Китаю. Порох и фарфор. Шаолинь и ушу. Великая Китайская стена и переселение душ. Открыв перед собой древнюю цивилизацию, Иван плавно перешёл к изучению Японии. И первоё, что его поразило, это было искусство ниндзюцу. Долгое время Добров находился под сильным впечатлением тайного учения ниндзей. Потом увлёкся самурайской методикой. Даже изготовил очень похожий на настоящий самурайский меч. Иван до исступления изучал кэндо и по вечерам в гараже колотил самодельную макивару. Что и говорить, восток сильно повлиял на становление Доброва. Правда, со временем самодельные мечи и макивары забылись, но восточный взгляд на жизнь остался навсегда.

Согласно этому взгляду, рассудив, что если уж суждено умереть, то пусть это будет за правое дело, Иван и поддался на уговоры друга, на расписанные в розовых тонах картины военной романтики: «Вот так надо жить, Ваня. Там мы нужны. Кто спасёт Россию? – Ты, я и автомат Калашникова, – вспомнил он доводы Лёхи, уговаривающего его подать заявление в военко-

мат. И Добров поддался на эти уговоры, вспомнив с некоторой ностальгией вроде бы неплохие армейские будни срочной службы.

Через полгода Лёху ранило; его признали годным к нестроевой, и Лекомцев поехал домой в Нижний, а Иван оттянул лямку контракта по полной программе. Перейдя в спецназ, он перестал участвовать в масштабных боях. Его подразделение занималось в основном спецоперациями: освобождением заложников, уничтожением главарей банд формирований, разведкой. Кочуя по Чечне с места на место, получая письма от друга, Иван знал, что Лёха по большому блату устроился на складах хранения химического оружия в памятных по далёкому детству Озерках. Окончив школу прапорщиков, он сделал карьеру, дослужившись от обычного дежурного до начальника отдела. Потом женился, завёл дочку и на данный момент имел всё, что необходимо для полного счастья: зарплата для военных вполне приличная, жена красавица, крошка дочь. Живи не нарадуйся. Конечно, всё идеально не бывает; в последнем письме Лёха писал, что у него возникли трения со своим непосредственным начальником полковником Нечепурём, но Иван всё равно завидовал другу; жизнь у того наладилась. Доброву же в свои тридцать с хвостиком только предстояло начать её строительство.

Выйдя из здания вокзала, Иван постоял несколько секунд у выхода, любуясь успевшей забыться и основательно измениться за годы странствий привокзальной площадью. Было время, когда он часто, едва ли не каждый день здесь проезжал, встречая возвращающуюся с работы жену. Вспомнив о Маше, Иван сразу же погрустнел; с её смерти прошло много лет, а ему всё казалось, что всё было только вчера.

Задумавшись, Иван едва не проскочил стоянку такси. Внезапно услышав громкий разговор, он резко остановился. У одиноко стоящей машины с шашечками стояли двое подвыпивших парней: один – верзила под два метра, несмотря на лето, одетый в чёрную кожанку, и второй в помятом костюме тоже высокий, но из-за худобы кажущийся ещё выше, чем есть. Наседая на водителя такси, сидевшего за рулём, парни громко что-то требовали. Иван, продолжив идти, невольно прислушался к разговору.

– Ну, ты чё, баран, не понял, – верзила ткнул пальцем в грудь водителя, – гони бабки. Третий раз повторять не буду.

– Ребята, я с утра на опохмелку не подаю, – водитель лысоватый мужичок средних лет, изо всех старался оставаться невозмутимым. – Такие лбы здоровые, сами бы могли заработать, а не выпрашивать.

– А мы не просим, мы требуем, – тощий скривил рот в пьяной улыбке. – На полных правах.

– Это каких ещё правах?

– Мужик, ты кому платишь? – вновь вступил в разговор верзила.

– Ясно кому – налоговой. Патент у меня муниципальный, могу показать.

– В сортире его показывай. Я тебе не про налоговую толкую, про «крышу». «Крыша» у тебя, мужик, есть?

– Да как не быть. Недавно на даче новую справил из оцинковки.

– Не, ты посмотри, Котёл, на этого шутника, – усмехнулся тощий. – Ты чё, не врубаешься? Мы, мужик, тебе про другую крышу толкуем. Усёк?

– Вертухай, этот баран сейчас меня досмешит, – терпение верзилы начинало истощаться. – Я его самого в оцинковку заверну.

– Ладно вам, ребята, чего вы, – водитель, быстро осмотрелся, но, не заметив как назло поблизости никого из коллег таксистов, сник. – Нет у меня денег.

– А ты думаешь, нас это волнует, баранье колесо? – верзила снова ткнул водителя в грудь. – Ищи. Время пошло.

– Заплати налоги и спи спокойно, – добавил тощий.

Неизвестно чем бы всё это закончилось для попавшего в переплёт таксиста, не вмешайся в разговор Добров. Иван никогда не боялся идти на конфликт, отличаясь редкой смелостью, а иногда и вовсе, казалось бы, совершенно бессмысленной отвагой. Так было и на «гражданке», и на войне. К тому же приученный за годы службы к не боязни самой смерти, Добров перестал испытывать страх перед чем бы то ни было. И уж никак он не испугался наглеющих у него на глазах молодчиков. Подойдя к такси – жёлтой подержанной двадцать четвёртой «Волге», он, не спрашивая разрешения, открыл переднюю дверцу и, забросив назад сумку, уселся на сиденье, лишь бросив: «Свободен, шеф? До Озерков не подбросишь?»

Парни, онемев на секунду от его бесцеремонности, тут же переключились на новый объект. Котёл хотел сразу же заехать в ухо подошедшему нахалу: нечего людей перебивать. Вертухай, как более осмотрительный, так поступать не спешил. Стоя у такси со стороны водителя, он заглянул в салон автомобиля и, встретившись взглядом с серо-стальными глазами помешавшего их разговору парня, сразу сообразил, что тот за ответной оплеухой не постоит. И ещё не известно, кто из потасовки выйдет победителем: бывший морпех Котёл или этот парень в десантном тельнике. Решив так, Вертухай едва заметным движением ощупал спрятанный во внутреннем кармане ствол, с ним никакой десантник ему не был страшен.

Котёл в отличие от своего приятеля был абсолютно уверен в своих силах; и не таких срубал одной левой.

– А ты кто такой? Что за фрукт, ё-моё? – зло бросил он, обходя машину. – Не видишь, такси занято.

Хамов Иван не любил с детства, по возможности всегда ставя таковых на место. Хладнокровный в любых ситуациях Добров многое мог перетерпеть, но было в нём что-то такое, что на дух не переносило наглости. И с детства же Иван хорошо усвоил, что с наглецами разговор всегда один и всегда на их языке – на языке силы. Добров хорошо помнил тот случай, который с ним произошёл в школе, классе в третьем. Тогда он совсем ещё пацан впервые столкнулся с проявлением людской наглости. Ивана долгое время доставал засевший в их классе на очередной год второгодник. Невзлюбил он Доброва за его фамилию, прямо прохода не давал. Иван долго терпел, пока, наконец, не вышла стычка с этим доставалой. Тогда они схватились в раздевалке, Иван уже не помнил из-за чего. Помнил только, что дрался отчаянно, часто не попадая, беспорядочно размахивающими кулаками по более опытному противнику. Но всё же один раз попал точно, поставив тому фингал. Победить не победил, уж слишком были разные у них весовые категории, но второгодник навсегда отстал. Это была первая драка в жизни Доброва, но после того случая он захотел научиться драться по-настоящему. И не просто драться, а уметь побеждать более сильного противника. Иван хотел достичь в этом совершенства. Поэтому Добров в своё время и пошёл заниматься боксом. Поэтому не переставал совершенствоваться в искусстве рукопашного боя и изучал все мыслимые и немыслимые системы боя с холодным оружием.

Выбравшись одним движением тренированного тела наружу, Иван подождал подошедшего вразвалочку Котла и, в свою очередь, обращаясь к верзиле, спросил.

– А ты разве, гнида, не видишь кто я?

Котёл, на мгновение онемел от такого обращения. В мозгу у него мелькнуло: что-то здесь не так; уж слишком уверенно держится противник. Бросив взгляд на десантный тельник, неожиданно встрявшего пассажира, на наколку ВДВ, на выросшую перед ним фигуру явно не слабака, Котёл ненадолго стушевался. Но его замешательство длилось считанные секунды. Заметив Вертухая, обходящего машину со стороны багажника и проклиная себя за нерешительность: какого-то хмыря испугался, Котёл решил быстрее покончить с наглецом. «Десантник говоришь, – подумал он, – да и хрен с тобой. Я тоже не в стройбате служил. Как-никак, два года от звонка до звонка в спецотряде морской пехоты. Семьсот тридцать дней сплошной боевой подготовки».

Котёл уже совсем собрался начать драку, как разговор начал подошедший со спины незнакомца Вертухай.

– Оно тебе надо, встревать за это чмо в такси? – спросил он. – Парень, у нас была тяжёлая ночь, и мы хотим хорошо отдохнуть. Ты усёк?

– Я тебя самого сейчас усеку. Ровно вполовину – Иван вполоборота повернулся к тощему. Так усеку, свои яйца три дня будешь от асфальта отскребать.

– Чё, такой крутой? – тощий осклабился, – ты знаешь, на кого дёргаешься? Про Качана слышал?

Иван быстро осмотрел с ног до головы худого. Противник из того никакой. Верзила посильнее будет, но, похоже, не очень поворотливый, к тому же весьма поддатый. Да чего тут рассусоливать: пора кончать с этим огородным маскарадом.

– Вот и валите к своему кочану на грядку, – Иван быстро, одним движением, наклонился в сторону тощего, и тот инстинктивно дёрнулся назад. – Меня ваш огород не интересует.

Заметив, что парни стоят в нерешительности, оторопев от его напора, Иван спокойно забрался обратно в такси. Однако дверкой хлопнуть не успел, Верзила быстро подставил длинную ногу. Тощий, приняв это за сигнал к действию, тоже ринулся вперёд. Дальнейшее произошло за считанные секунды.

Иван, словно распрямляющаяся пружина, привёл свой отлично подготовленный организм в действие, проведя первым движением рубящий удар ногой в живот верзилы. Послышался короткий крик боли, и туша Котла безвольно свалилась наземь. Вторым движением Иван выбрался из машины и, не останавливая движения, как и обещал, ударил тощего в пах. На этот раз крик раздался не такой короткий. Худой, сложившись, неприятно заскулил и, едва сдерживаясь, чтобы не заорать во всю мощь лёгких, сложил почти пополам своё длинное тело. Завершая успех, Добров обрушил на него град ударов, и уменьшившийся наполовину в росте тощий упал, уткнувшись окровавленным носом в нагретый утренним солнцем асфальт.

Одержавший полную победу Иван, тем не менее, расслабляться не стал. По опыту зная, что недобитый противник всё равно что не побеждён, он, подскочил к верзиле, намереваясь отправить того в окончательный нокаут, но остановился от возгласа выскочившего из машины таксиста.

– Парень, остановись. Убьёшь ведь придурка. Поехали быстрей в твои Озерки, пока менты не нарисовались.

Таксист, для которого всё произошедшее явилось полной неожиданностью, нисколько не растерялся. Быстро оглядевшись, он увидел, что свидетелей драки нашлось немного лишь парочка охающих неподалёку бабушек-торговок семечками. Но они, ясное дело, в счёт не шли. Но также таксисту было ясно, что ещё немного промедления, и свидетели, а то и сообщники побитых парней, обязательно найдутся. Поэтому надо было валить отсюда со всевозможной скоростью.

– Поехали, – Иван, выпрямившись, оглядел проделанную работу. Постепенно возбуждение поединка начало его покидать.

– А что с этими будем делать? – водитель кивнул в сторону растянувшихся на асфальте парней.

– Да, пусть себе лежат «качаны», может ещё подрастут, – Иван забрался в «Волгу» и, сильно, хлопнув дверкой, повторил маршрут. – В Озерки, шеф. Быстро домчишь – плачу двойной тариф.

Таксиста дважды приглашать не пришлось. Заскочив в ставший за долгие годы родным автомобиль, он мгновенно завел двигатель, со скрипом включил первую передачу и, осторожно выруливая со стоянки, чтобы не дай бог не задеть распластавшихся горе-наглецов, направил машину к выезду из города.

5 ГЛАВА

Дорога до Озерков заняла часа два. Утром пробки на дороге ещё не успели как следует образоваться, и такси сравнительно быстро выскочило из Нижнего. Несколько поворотов, мелькнувшие пролёты моста и перед пассажиром такси справа открылся давно не виденный великолепный вид на слияние двух великих рек Волги и Оки. От раскинувшейся картины у Ивана защемило сердце и он на ощупь, не сразу найдя ручку стеклоподъёмника, опустил стекло и высунул наружу руку, ловя раскрытой ладонью встречный ветер. В кабину сразу же ворвался речной запах и звуки мчащихся по мосту машин. Секунды стремительного движения над лентой реки, небольшой спуск, и водная гладь сменилась на прямую, утыканную по краям полосатыми дорожными столбиками, ровную дорогу, несущую бесконечную череду въезжающих и выезжающих из Нижнего машин. Миновав мост, жёлтая «Волга» помчалась в этом потоке в сторону Бора, от которого оставалось ещё километров сорок до самих Озерков.

Водитель оказался разговорчивым малым. Без лишних церемоний представившись: «Матвей» и, услышав в ответ такое же простое: «Иван», он сразу же отмёл предложенную Добровым двойную оплату проезда. Мало того не захотел вообще брать денег со своего спасителя.

– Пойми, Иван, брать деньги с тебя мне совесть не позволит, – ловко обгоняя дачный москвичонок, разъяснял Матвей свою позицию новому знакомому. – Ненавижу я эту шваль, просто не перевариваю на дух. Тоже мне рэкетиры нашлись: деньги им мои давай. А они их заработали деньги-то эти? В жизни, наверное, не работали паскуды.

Говоря так, Матвей ничуть не кривил душой. Прокрутивший автомобильную баранку всю свою сознательную жизнь, не разгибаясь по вечерам и выходным над ремонтом машины, он не мог представить, как это можно не работать. Сам Матвей, сколько себя помнил, работал всегда. Вначале в ПТУ, где учёба на автослесаря чередовалась с работой в гараже, возясь с двигателями и автомобильной подвеской. Продолжение своей рабочей деятельности прошло у Матвея на заводе, куда попал сразу после училища. Не стала исключением и армия, где он, успев ещё на «гражданке» получить права, служил водителем. Про жизнь после армии и говорить не приходится. Даже не отдохнув трёх месяцев, положенных после прохождения службы, Матвей сразу же устроился работать в автоколонну; сначала на грузовик, а уже потом, получив соответствующий класс, и водителем такси. Тогда это было очень престижно, и Матвей был горд, что ему доверили машину с шашечками на борту, водители такси считались элитой шофёрского мира. Сейчас же всё поменялось, перевернувшись с ног на голову: бандитом в нынешние времена быть несопоставимо престижнее, чем каким-то таксистом.

– Странное время сейчас настало, – подумав об этом, продолжал таксист. – Не скажу, что раньше лучше было; нет, не лучше, хотя и, конечно, спокойней. Все или почти все были нищими, стоя в бесконечных очередях за дефицитом. А покупка машины вообще сравнивалась с получением Нобелевской премии. Тогда о собственном автомобиле я и мечтать не мог. Помню, как мы со своей Веркой покупали стенку в гостиную. Три года ждали очереди в месткоме, наконец, дождались, а когда привезли домой; недели две поверить не могли в своё счастье. Или помнится, как в Горбачёвские времена за водкой в очередях давились; с утра очередь занимали, мужики злые как черти, всем на опохмелку надо, до драк доходило. Да что там водка, колбасу меньше чем за два часа и не купишь, чтобы всё было по-честному, на руках номерки писали. Помню, бывало, идёшь по городу, увидишь очередь и сразу, не раздумывая, встаёшь в её хвост. Всё дефицитом было, и чтобы ты не выстоял, было нужно. У меня у знакомого в то время мать в Урене жила. Приехала как-то она в город и, идя по улице, увидела длиннющую очередь. Она тут же к этой очереди и пристроилась и почти весь день простояла. А когда до прилавка добралась, узнала, что это дают пианино. А куда ей потомственной доярке пианино? И ведь купила, зря что ли стояла, так до сих пор музыкальный ящик в сарае пылится.

В общем, хреновые были времена, но и теперешние не лучше, когда всё с ног на голову перевернулось. Я работаю, пашу с утра до ночи, а какие-то козлы молокососы, записавшиеся в бандюки меня «доить» пришли. Эх, была б моя воля, Иван, всех бы их перестрелял. Поставил бы в шеренгу и одного за другим в затылок.

– Рука устала бы, если всех, – рассматривая мелькающий за окном придорожный пейзаж, Иван краем уха слушал болтовню водителя. От нечего делать, всё равно до Озерков ещё прилично ехать, он поддерживал разговор.

– А я бы подменился, когда бы устал.

Иван впервые внимательно посмотрел на решительного таксиста. На вид Матвею было лет сорок пять – сорок семь. Небольшого, сравнительно с самим Добровым, роста, крепкий, угловатый в движениях он производил впечатления настоящего русского мужика. Хотя разрезом глаз Матвей и походил больше на представителя скорее Азии, чем Европы. К его бы лицу добавить длинные мусульманские усы, и получился бы настоящий янычар. Подумав так, Добров внутренне усмехнулся.

– Думаешь, мало желающих найдётся? – тем временем продолжал развивать свою теорию построения безуголовного общества водитель такси. – Ошибаешься, Ваня, много на свете людей, кому эти ублюдки опротивели. Возьми того же Жириновского. Вот люблю Жирика, всегда за него голосую. Всё правильно говорит, наш человек.

– Я политикой не интересуюсь.

– А зря, надо интересоваться. Вот ты откуда едешь? Из Чечни. И кто тебя туда послал? Политики!

– Меня туда никто не посылал. Я сам добровольно по контракту.

– Сам? За большой деньгой? Тоже хорошее дело.

– Деньги? Кто их знает; заплатят или нет. Пока что кроме как считанных копеек на дорогу ничего не выдали.

– Вот и я о том же. У кого деньги? У таких, как эти придурки на вокзале. У Качанов всяких.

– А кто такой этот Качан?

– Ясно кто – бандит. Но сам-то он пешка.

– Матвей, откуда ты всё это знаешь?

– Слухами земля полнится, Ваня. Я же таксист, а таксисты знают всё. И вот что тебе скажу: Качан он хоть и крутой, но по сравнению с его хозяином Храповцевым – ноль.

– Храповцевым?!

– Ага. Он же Пашка Храп. Ранее бандит, сейчас бизнесмен. Они перевёртыши сейчас все в бизнесмены подались. Времена меняются, порядок какой-никакой постепенно наводится, и напрямую заниматься разбоем становиться невыгодно.

Услышав знакомую фамилию, Иван ненадолго отвлёкся от навязчиво разговора с болтливым водителем. Неужели это тот самый Пашка Храповцев из параллельного «Б»? Вот какие фортеля жизнь выкручивает. Пока Иван воевал в Чечне, его давний недруг вернулся в Нижний и уже успел здесь засветиться в качестве экс-бандита и бизнесмена.

Добров хорошо помнил, с чего у него начался конфликт с Пашкой Храпом. Было это в классе восьмом. Рослый Храповцев слыл на всю школу первым хулиганом. Не особо успевая в учёбе, Пашка, тем не менее, мечтал в этой жизни преуспеть. По вечерам качая мускулы в подвалах, зло колотя боксёрскую грушу, он стремился стать самым сильным и вскоре добился в этом немалых результатов. С ним не рисковали связываться даже старшеклассники. Собрав вокруг себя небольшую шайку, Пашка Храп терроризировал более слабых учеников, вытряхивая из их карманов мелочь, выданную на завтраки. Постоянно дежуря за школой, в кустарнике около примыкающей к основному зданию столовой, – там, где всегда можно было спокойно

покурить, поматериться всласть, не боясь вездесущих учителей – его шайка, словно хищник, высматривающий дичь, караулила очередную жертву.

В тот раз в качестве жертвы должен был стать Иван. Шестого урока не было, учительница по русскому заболела, и Добров спешил к остановке. Дома у него оставалось одно незаконченное дело – недопаянный радиоприёмник, и Иван собирался смотаться в магазин, чтобы прикупить недостающие радиодетали. Деньги, отложенные на этот случай, лежали в кармане. Миновав злополучную столовую, Добров сразу же наткнулся на Храпа и его шайку – троицу чрезмерно перекаченных для своих лет парней. Стараясь не обращать внимания на отлипнувших от стены и двинувшихся в его сторону парней, Иван слегка ускорил шаг. Наслышанный о Пашке Храповцеве он знал, что встреча с ним не сулит ничего хорошего. Поэтому Иван старался встречу эту избежать, хотя и не трусил. Иван не был трусом никогда, чувство страха отсутствовало у него полностью. И хоть говорят: не боятся только дураки, Иван, тем не менее, дураком не был. Просто было что-то в его характере, не позволявшее ему бояться. Может это и патология, но Иван всегда отличался поразительным хладнокровием. И в детстве, и в молодости, когда служил срочную, и в зрелые годы, когда воевал в Чечне, его пульс никогда не учащался при виде опасности. Добров не волновался, не переживал даже когда смотрел самой смерти в глаза.

Не боялся Иван и в тот раз, просто очень спешил. Ускорив шаг, он надеялся избежать стычки. Не удалось.

– Слышь, чувак, куда спешишь? Разговор есть, – Пашка Храп окликнул семенившего вдоль стены Ивана. Тому пришлось остановиться.

– Чего надо?

– Подкинь денег. Курить страсть как охота, а нам на сигареты не хватает.

– У меня лишних нет.

– А нелишние, значит, есть?

Троица сподвижников, окружившая Ивана, громко заржала.

– Да и вообще – курить вредно. Всякий дебил это знает, – бросил Иван и, развернувшись, собрался продолжить путь к остановке.

Дальнейшее произошло мгновенно. Помощники без команды, заученным движением разом набросились на Доброва. Не успел Иван опомниться, как оказался зажатым, словно в тисках. Двое из подручных Храповцева держали Ивана за руки, третий обхватил туловище. Добров пробовал вырываться, но всё тщетно. От обиды кусая губы, он видел лишь, как подскочивший Храп шарил у него по карманам. Найдя деньги, он расплылся в мерзкой улыбке.

– Были денежки ваши, стали наши, – сказал довольный собой Храп, спрятав купюры в карман.

Храповцев хотел ещё что-то добавить, но вместо этого, щёлкнув челюстями, полетел лицом вниз. На месте только что стоящего Храпа мелькнуло гибкое тело лучшего друга попавшего в беду Доброва. Лёшка, к тому времени несколько лет занимавшийся каратэ, – нелегально, поскольку тогда этот вид самообороны был запрещен – одним ударом сбил на землю зазевавшегося потрошителя чужих карманов. Вторым ударом он вправил нос хулигану, державшему Ивана за руки. Добров в свою очередь незамедлительно коротким тычком локтя достал державшего его сзади противника.

Если Лекомцев занимался каратэ, то Иван сходил с ума по боксу. Не пропускал ни одной тренировки, по вечерам дополнительно колотил грушу в гараже, зная наизусть все бои Мухаммеда Али и боготворя Ласло Паппа. В общем, едва почувствовав свободу, Иван ринулся в атаку на ошеломлённых внезапным нападением хулиганов. Схватка была короткой и весьма эффектной. Враги оказались повержены, а деньги вновь вернулись к Доброву.

– Эх, Россия, куда ты катишься, – прервал таксист воспоминания Ивана. – Такая страна, такие ресурсы, такой народ, а живём, как последние нищие. Русский человек вроде неглупый,

а постоянно даёт себя кому-нибудь поработить. То Батый, то большевики, а то эти новоявленные бандюки. Веришь ли, Иван, но злость берёт; за что думаю, такая несправедливость? Почему какой-то Храповцев живёт припеваючи, деньги лопатой гребёт, жрёт от пуза и баб красивых трахает? Почему он, тварь ползучая, имеет всё, а я, и такие как я, ничего не имеем? Чем я хуже этого новоявленного бизнесмена? Тем, что никогда не зарюсь на чужое; что чту заповеди; не граблю, не убиваю ближнего? Тем, что честно, с раннего утра до позднего вечера, вкалываю, как проклятый? Где, Ваня, справедливость?

– Справедливости, Матвей, никогда не было и не будет.

Матвей ненадолго задумался, припомнив, как когда-то в далёкие уже теперь советские годы вместе с коллегами по работе застукал начальника гаража за кражей запчастей. И хоть это было в то время, когда народом правила единственно верная партия, никакой справедливостью даже не пахло. Несмотря на то, что его поймали буквально на месте преступления, начгар отделался лёгким испугом, а Матвей и его друзья наоборот едва не вылетели с работы. Такая вот жизнь тогда была «справедливая».

– Возможно, и нет в жизни справедливости, – вспомнив всё это, согласился таксист. – Но всё же элементарный порядок, когда человек получает по труду, а не по наглости и близости к кормушке, можно навести? Был бы я президентом, я бы такой порядок быстро навёл.

– Если бы да кабы. Кто ж тебя туда пустит?

– Согласен. Тогда я бы Жирика на эту должность поставил. Видно, старается, радеет за Россию.

Подумав про президента, Иван мысленно его представил. Главу государства он видел на расстоянии вытянутой руки, когда тот прилетал в их часть в Чечне. Верховный Главнокомандующий лично наградил рядового Доброва медалью «За отвагу». Такое вряд ли забудешь.

– А пока наш нынешний доберётся до всех этих Храповцевых, жизни не хватит. Они же, как тараканы расплодились. Их травишь в одном месте, они выныривают в другом. Их снова давишь, а они выскальзывают из третьей дыры. Неистребимое племя.

«Действительно, неистребимые», – подумал Иван, частично соглашаясь с доводами таксиста. Такие как Храповцев были, есть, и будут всегда есть. Причём исключительно чёрную икру. Так, наверное, было со времён библейского Хама и будет до нынешних времён современных Храповцевых. Так уж устроена жизнь, её не переделаешь. Единственное, что можно сделать, так это ставить на место зарвавшихся наглецов. Как сегодня утром у вокзала и как тогда в далёкой молодости на выпускном вечере.

После первой стычки с Иваном и Лёхой, всё последующее время Пашка Храп не рисковал связываться с друзьями. Лекомцев к тому времени достиг определённого совершенства в изучении каратэ; коричневый пояс что-нибудь да значил. Добров к выпускному классу добился звания кандидата в мастера спорта по боксу. Часто ездил на соревнования, на областных не раз становился призёром, на городских часто выигрывал. В открытую связываться с такой парочкой не хотелось даже самому заядлому забияке.

Но связаться всё же пришлось. Всё произошло на выпускном. После окончания школы Иван решил поступать в Политехнический, на факультет электроники. Воспитывался Добров все последние годы у тётки Тани – маминой сестры. Мать Иван потерял рано, запомнив лишь её красивое, но почему-то всегда грустное лицо. Наверное, от того, что она знала диагноз своей болезни, в то время звучавший как приговор – белокровие. Рано оставшись сиротой, похороны мамы Иван не запомнил, словно кто-то стёр из его памяти мучительные воспоминания. Отца Добров и вовсе знал лишь по фотографиям – тот рано ушёл из семьи и сгинул где-то на севере. Так что бездетная тётка Таня заменила Ивану всю его семью. В молодости Иван мало задумывался над этим; тётя его очень любила и частично заменила потерянную мать. Впрочем, тогда, по окончании школы, у Ивана на уме было другое: госэкзамены сданы, аттестат зрелости в кармане, впереди новая неведомая жизнь.

А пока настало время веселиться. Вечер по поводу окончания школы был в полном разгаре. Из спортивного зала, где проходил вечер, слышались веселые реплики; выпивалось разрешённое по поводу праздника шампанское; танцевались последние школьные танцы. Там на скамейке, в зале сидящую в стороне от общего веселья и увидел Иван непонятно почему грустящую Алину. Он знал, что она из параллельного «Б» класса, и что фамилия у неё немного смешная – Галкина. Алина Доброву давно нравилась, но он всё не решался с ней познакомиться. Сейчас же, разгорячённый первым в жизни выпитым вином Иван решительно подсел к невесёлой Алине и, как мог, попытался развеселить девушку. Иван никогда не отличался неразговорчивостью, скорее даже наоборот – в компании слыл остряком. Симпатичный, спортивного телосложения он пользовался определённым успехом у одноклассниц. Алина не стала исключением. Через несколько минут она уже оживлённо болтала с Добровым. Ещё через некоторое время смеялась над его шутками. А спустя полчаса, они вышли на крыльцо школы, чтобы подышать свежим воздухом и чем чёрт не шутит – поцеловаться.

Там и столкнулся Иван с Пашкой Храпом. Храповцев, в отличие от одноклассников, принявший на грудь вовсе не шампанское, а добрую порцию водки, находился в совершенно неуправляемом состоянии. Мало того, что его гвардия куда-то слиняла, оставив вожака одного, ко всему прочему Алинка Галкина, по которой Пашка сох уже не один год, отказалась провести с ним этот вечер. А Храп очень не любил, когда ему отказывали. Допив из горла бутылку, он, отбросив звякнувший разбитым стеклом сосуд, направился в школу, чтобы навести ясность в этом вопросе: хочет она того или нет, но Алина сегодня будет его. Увидев мило беседовавшую на крыльце парочку – стройную в красивом красном платье Алину и скинувшего пиджак, в чёрных брюках и белоснежной рубашке Ивана, Пашка замер от неожиданности. Глядя на оживлённо разговаривающих, смеющихся, не обращающих на него никакого внимания Ивана с Алиной, Храп стоял как вкопанный, постепенно наливался злобой. Сговорились голубки и когда только успели: так болтают, словно всю жизнь знакомы. Даже за руки держатся. На миг Храповцеву показалось, что Иван поцеловал девушку в щёчку.

С криком «Убью!» – расталкивая обступившие крыльцо парочки, Храповцев кинулся, словно бык на тореадора, на своего главного обидчика – Ваньку Доброва. «Ну, Добряк, ты допрыгался», – крикнул Пашка и, вложив всю силу, ударил в спину ничего не подозревающего противника. Не ожидавший нападения Иван отлетел к дверям и, больно ткнувшись о створки, едва не потерял сознание. С трудом найдя в себе силы чтобы развернуться, он увидел грузную тушу Пашки Храпа, сразу припомнив слышанную где-то фразу, что Храповцев бегает за Алиной Галкиной и всё понял. Что ж, старый недруг решил расквитаться с обидчиком, заодно и от девушки отшить. Вопрос только в том, хватит ли у тебя, Храп, на это сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.